

Александр Смирнов

Секунд-ротмистр

Александр Смирнов

Секунд-ротмистр

«Издательские решения»

Смирнов А.

Секунд-ротмистр / А. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856486-4

Сашков решил, что род его, скорее всего, проклят. Кем и почему? Ну, а тут Меншиков со своею машиной времени. А почему не рискнуть и не отправиться в прошлое? И уж там отвести от одного из предков столь грозное проклятье. А вдруг получится? Вот только он с Меншиковым не ожидал, что вляпается в такую историю... «Тонкое лезвие шпаги вонзилось, словно игла, в грудь обер-офицера между двумя ребрами и с каким-то глухим звуком ударилось в кирпич. Барон выронил шпагу».

ISBN 978-5-44-856486-4

© Смирнов А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
I	9
II	14
III	20
IV	27
V	34
VI	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Секунд-ротмистр

Александр Смирнов

© Александр Смирнов, 2017

ISBN 978-5-4485-6486-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моему деду посвящается

Пролог

В историю, о которой было написано сотник книг, Меншиков Федор теперь уже не верил. Хроники, которые он запоем читал в юные годы, будучи студентом МГУ, в один миг оказались фальшивыми. Да к тому же теория, которую до своего первого путешествия в прошлое, Федор считал не иначе как полным бредом, начала приобретать вдруг четкие очертания. Исчезли в один миг Александр Невский, Иисус Навин, Юлий Цезарь, и казалось непонятно что делать и во что верить. А ведь как все прекрасно начиналось. Мишка Путятин, старый приятель из МГУ, вдруг предложил создать машину времени, доказав Федьке, что эта столь безумная идея осуществима. В качестве определения даты, в которую отправлялась капсула, предложил использовать астрологические гороскопы. Ведь летописи можно было вести от любого события значимого в жизни людей, будь то рождения Миссии или Великая Французская революция. Ведь даже окончание ее в различных летописях – девятого ноября тысяча семьсот девяносто девятого года от Рождества Христова, в других – восемнадцатого брюмера десятого года революции. У других же народов эта дата записано также иначе, и если бы сейчас в России ходило, как это было до Петра, летоисчисления от сотворения мира, то цифры оказались совершенно иные не похожие ни на одну из современных дат. А гороскопы эта такая вещь, особенно когда анализ происходит мгновенно, а вероятность совпадения одинакового положения звезд на небосклоне довольно мала. Решив, что попытка не пытка, Федька согласился. Машину тогда они в течение года собрали, пришлось повозиться.

Ну, а дальше Меншиков никогда вспоминать не любил. Когда вдруг во время своего первого путешествия они с приятелем обнаружили, что история была совершенно иной, все вдруг резко изменилось. Федька не сдержался и впервые поступил импульсивно, а все из-за того, что Мишка, будь оно неладное, решил вернуть историю в то русло, которое, по его мнению, должно было быть правильным. А почему? Да потому, что согласно той истории, его предки правили миром, а он был из тех, кто сейчас бы управлял страной, а не коротал бы свои дни в каком-то МГУ. Хорошо, что о своем изобретении Путятин никому не рассказал.

Федька помнил, как всюю гнал свою зеленую «Газель» к городу Нарве. В кабине связанный и спящий валялся, одетый в сине-желтый мундир Путятин. Решение пришло неожиданно, когда Мишка рассказал о своих планах. И вот теперь у дальнего предка Федора – Александра Даниловича Меншикова будет новый холоп. И что в том, что он из будущего. Кто поверит пленному шведу? Да и вернуться тот обратно в свое время уже вряд ли вернется, а если и захочет изменить историю, так пусть попробует. Тогда в дороге Федор усмехался, представляя, как будет жить его приятель в прошлом.

Да вот только совесть всегда брала почему-то свое. Месяцев пять после тех событий он продержался, а потом... Вспоминать те дни Федька так же не любил. Скатился почти до самого края пропасти. Рассказал, по пьяни, о случившемся Александру Сашкову, еще одному товарищу по университету. Тот заявлять в милицию не стал, да и зачем. Трупа то нет. А раз нет оно, то дело все равно не заведут. Впрочем, у Сашкова оказались свои планы на машину времени. Меншиков, когда его бредовую идею услышал, рассмеялся. А потом, когда Александр Сашков уехал, долго от навязчивой мысли избавиться не мог. Наконец не выдержал. Завязал пить горькую и позвонил приятелю в Москву. А дело то было не такое уж сложное. Всего-то проверить правильный ли гороскоп у товарища. Тут конечно может возникнуть вопрос, а причем тут машина времени и какой-то личный гороскоп? Проверить, действительно ли события в будущем, начертанные в нем, произойдут? Если бы. Сашков хотел уточнить, как могла его предыдущая инкарнация, будучи купцом, жить в Австралии пятнадцатого века, когда сам материк был открыт намного позже. Ведь не сходится? То-то и оно, что нет. А если история была такой, как утверждал Федор, то бред Сашкова не казался таким уж странным.

Вот и проверили. Ну, а дальше понеслось. Докатились до такого состояния, что Александр уволился из университета и перебрался к Меншикову под Псков, где тот усиленно проводил работы над усовершенствованием машины времени.

Ну, а дальше, как говорил Меншикова, их все сильнее и сильнее втягивало в авантюры. Они не обращали внимания на то, что действиями своим запросто могли изменить ход истории и сделать то, что когда-то хотел сотворить с историей мира Миша Путятин. А уж погибнуть в круговороте неизвестности так тем более не боялись, мир в котором они жили, казался намного страшнее того, что был когда-то в прошлом. И даже не верилось, что он станет лучше.

Вот только бывают в жизни человека такие минуты, когда он задумывается не только о прошлой своей инкарнации, но пытается заглянуть в будущее, ища причины своих неудач в своем прошлом. И не находя ответов пытается разложить на составляющие уже и историю своего рода.

Вот только возникает вопрос, а знаем мы историю своей семьи? Можем ли мы сказать, кем был тот или иной предок до Великой Октябрьской революции?

У Сашкова, как выяснилось, был только один ответ. И он звучал как – Увы, нет!

I

Осень 201.. года. Под Псковом. Дом Меншикова.

– Я все чаще стал склоняться к мысли, – как-то раз тоскливо проговорил Александр Сашков, сидя за накрытым столом у Федора на кухне: – что мой род когда-то был проклят.

Меншиков удивленно взглянул на приятеля. Он не ожидал, что того так разнесет с бутылочки бургундского, урожая тысяча шестисот десятого года. Хорошее вино, каких в наши времена уже редко сыщешь, вряд ли могло так подействовать. Это ведь не та бормотуха с всякими там пищевыми е-добавками¹, коими были наводнены в последнее время магазины и палатки города Пскова. За эти бургундским Федька лично смотался в семнадцатый век. Десять бутылок отменного вина, лично выменял у русского трактирщика, что проживал в славном городе Ла-Рошель в те годы. Эх, жаль он тогда Сашкова с собой не взял. Глядишь, таких речей сейчас бы не толкал. Вспоминал бы, если конечно в войне за независимость Европы от Руси-Орды выжил, о тех событиях, да наслаждался бы жизнью. Ведь у человека она одна, не смотря на всякие там инкарнации.

– Что это тебя с такого отменного вина, – проговорил, вздыхая Федор, – в депрессию потянуло? Вроде мы с тобой все точки поставили еще в Австралии на все вопросы. – Меншиков попытался выговорить слово – инкарнация, но язык, будь оно не ладное, ни в какую не желал этого делать. Федька в отчаянии махнул рукой, отчего чуть не уронил свой стакан на стол. Выругавшись, успел подхватить, расплескав всего лишь несколько капель. – Неужели ты предполагаешь, что Ульян Меркурьев² был проклят?

– Да нет, – проворчал Сашков, – дело не в нем.

Но все равно Александр задумался. Нужно ведь было как-то объяснить старому приятелю, что он подразумевает, ведь пока они друг друга просто не понимали. Один раз Сашков вот точно так же требовал от Меншикова отправиться в прошлое. Тогда это у них получилось. Правда, повозиться изрядно пришлось. Даже одного знакомого в Австралии привлечь. Хорошо, что хоть тайна путешествия осталась секретом. Но как бы то ни было, причину гибели купца узнали, тот ушел в открытое море и сгинул. Даже поняли, почему он это сделал. Заодно с людьми интересными познакомились. Все вроде нормально, а тут эта ненужная хандра ударила. Депрессия овладела, когда вроде бы для нее и причин как таковых-то и не было. А все потому, что не везет! Вот не везет и все, хоть вешайся. Может проклятье, какое? Вот как тут не подумать об этом? Как?

– Видишь ли, Федор, – проговорил Александр, – зная, кем ты был в предыдущей жизни это одно, а располагать сведениями о своей семье это совершенно другое. Тебе интересно знать, от кого идет твой род? – Впрочем, увидев реакцию Федьки, улыбнулся, – Ну, тебе-то хорошо, ты хоть до Меншикова всю свою родню знаешь, а я? А ведь судьба Ульяна Меркурьева – на мою совсем не влияет. Несмотря на то, что женский тип, который нравится Меркурьеву и мне, один и тот же. Я даже встречался с одной, да вот только... Супругой она моей так и не стала. Я, Федька, понимаешь, до сих пор холост...

– Санек! Нашел о чем печалиться, – перебил его Федор, наклонился и достал с пола еще одну бутылочку, – я вот уже больше года холост и не жалею.

¹ Пищевые добавки – вещества, добавляемые в технологических целях в пищевые продукты в процессе производства, упаковки, транспортировки или хранения для придания им желаемых свойств, например, определённого аромата (ароматизаторы), цвета (красители), длительности хранения (консерванты), вкуса, консистенции и так далее. Некоторые люди стремятся употреблять в пищу продукты без добавок, хотя в строгом смысле слова соль и перец тоже ими являются

² Персонаж романа «Опричник»

Федор Меншиков еще недавно был женат. О своей супружеской жизни он распространяться не любил, один раз, правда, в пьяном угаре проговорился, что делил очаг со своей благоверной аж больше двух лет. Вот только рутины хрупкая семья не выдержала. Развалилась. То ли Федор поумнел, то ли она стала «умной» – они разбежались.

– А может и у тебя энтó тоже самое... – пробормотал Сашков.

– Ты имеешь в виду родовое проклятье?

Александр кивнул.

– Чушь. В проклятье я не верю. Просто женщины, по крайней мере, моя бывшая благоверная, в науках не разбирается. А для меня наука – это все! Да ладно про них. – Меншиков махнул рукой и уточнил: – Тебе-то Сашек, что это приспичило – жениться? Разве быть одному плохо?

Сашков промолчал. Объяснять в таком состоянии, в котором он сейчас находился, было довольно сложно. Да и Федор прекрасно понимал, что оба вопроса были как-то не уместны. Он прекрасно помнил, что у того был в этом плане один бзик. Александр, а Меншиков его частенько за это ругал, еще в бытность студентом, пытался найти ту единственную, с которой он был бы прекрасно счастлив. Этаким эталон. Вроде бы нашел, и тут выяснилось, что в его отношениях что-то не ладится. Все в один миг рухнуло. Больше попыток он и не пытался предпринимать. Если и обращал внимания на красавицу, так отходил в сторону, опасаясь попасть в ее сети. Правда, был случай, Сашкову показалось, что он влюбился. Он даже почвó попытался прощупать. Ощущать себя облитым холодной водой – не самое приятное дело. А ведь именно так и произошло. Девушка смотрела не на его, а на более молодого парня. Вот как тут себя старым не ощутить, когда тебе всего-то тридцать лет стóкнуло. Вот и не удивительно, что Александр впал в депрессию. А тут еще его тетка. Меншиков убить был ее готов. Наговорила племяннику о родовом проклятье. Дескать, сама слышала от матери, будучи девчонкой. Слышала, так и помалкивала бы. Не зачем слухи-то распространять.

– Понимаешь, Федя, мне уже надоело быть все время одному. Хочется прийти домой, где меня бы ждало верное создание...

– Так заведи пса, – перебил того приятель.

– Шутить изволишь, – проворчал Шурик, – я с тобой о серьезных вещах говорю, а ты...

– Так ведь ты же сам сказал, создание...

Сашков уже хотел встать из-за стола, да уйти в свою комнату, но Федька положил руку ему на плечо и произнес:

– Извини Санек, я не знал, что для тебя это серьезно, но что я смог бы сделать. Ведь даже предотвратить его мы не сможем. Мы с тобой не знаем даже, на кого из твоих предков проклятье было наложено? Да и почему? Чтобы устранить проклятье, боюсь, машина времени, увы, не поможет...

– Наверное, ты прав. – Вздохнул Александр. Казалось, что он уже смирился с проклятием. Сашков уже не боялся, что оно будет тяготеть над ним. Ему вдруг захотелось утопить свою боль в вине. Александр протянул руку к бутылке, и Меншиков вдруг испугался, что тот в пьяном состоянии наложит на себя руки.

– Э, нет, приятель, – проговорил он, останавливая его. Отодвинул бургундское в сторону и добавил: – Это не выход. Ты вином только усугубишь свою боль. Она на мгновение утихнет, а затем вспыхнет с новой силой.

Федька вдруг встал из-за стола и стал ходить по комнате.

– Я вот что подумал, – проговорил он. – А что если попробовать? Изменим историю? Да и бог с ней. Она все равно выпрямится и вернется в свое прежнее русло. Вряд ли твоя семья влияла на историю России так сильно. Лично мне кажется, что и мирового значения это иметь тоже не будет. Как говорил товарищ Сталин: «Попытка не пытка». – Тут он даже акцент

изобразил, – Чтобы что-то сделать, нам нужно иметь данные о твоём генеалогическом древе. Кстати, до какого колена свой род знаешь?

Вот она основная проблема. Вопрос, который, наверное, в душе пугает каждого. Ведь не у всех предки были такими выдающимися. Да еще после событий двадцать первого века, когда о родстве в некоторых случаях просто старались забыть. И лишь для того, чтобы спать спокойно по ночам. Некоторые отрекались от своего дворянского прошлого, когда дамоклов меч начинал маячить на горизонте. Так что в двадцать первом очень мало тех, кто интересуется своей родословной. Ведь иногда достаточно знать, как звали прабабку да прадеда. Причем по мужской линии эта информация была куда полнее. Не зная девичьей фамилии прабабки трудно что-то проследить, а именно она чаще всего и забывается.

Сашков не стал исключением. Родовое дерево Александра было скрыто туманом невежества. Ту часть его, что шла по материнской линии он совершенно не знал. Ведал, правда, что мать деда звали – Анна Николаевна. А вот насчет ее фамилии и откуда она была родом, родословная скромно умалчивала. По отцовской линии тоже было не так гладко, как хотелось. В основном информация об них обрывалась в страшные двадцатые годы. Тут начинаешь сожалеть, что по территории России в тот период пронесли одна за другой несколько бед. Гражданская война, раскулачивание, «сталинские» репрессии и Великая Отечественная. Сколько тогда людей в этих пожарищах сгинуло?

– Ну... – замялся Сашков, не зная, как и сказать об этом приятелю.

– Ясно, – махнул рукой Федор, – как и все род свой до прабабки знаешь. А там хоть трава не расти.

Меншиков вздохнул и с укоризной взглянул на Сашкова.

– Тебе-то хорошо, – проговорил Александр. – Ты вон род до Алексашки помнишь...

– Ну, не обижайся. Я же не виноват, что у меня такая фамилия звучная. Вот в свое время и поинтересовался, откуда род мой идет. Где корень семьи начинается. – Меншиков подошел к шкафу. Достал ручку с бумагой. Вернулся к столу и сел. – А теперь, давай припоминай своих родственников. Хотя бы тех, у которых жизнь не заладилась. Ведь если проклятье и существует, то как-то оно должно оставлять после себя след.

Мысленно Александр начал перебирать всех своих родственников. Для начала решил по материнской линии. Вспомнил бабушку и ее сестер. Все они прожили достаточно долго, а последняя из них умерла совсем недавно, и не смотря на свои болезни, в восемьдесят лет. Хотя...

– У бабушки был на войне убит первый муж.

– Он отец твоей мамы?

– Нет.

– Тогда отпадает, – проговорил Меншиков, – это же было до рождения твоей мамы?

– Верно. Тогда и дед отпадает.

– Почему?

– По его линий все нормально. Там род не обрывается, – Сашков вздохнул, – как он обрывается на мне.

– Тогда, здесь все спокойно, – проговорил Федор, – У других сестер твоей бабушки ведь подобных случаев не было, да и замужем они все. Ведь так?

– Так.

– То-то.

По линии матери, если, не считая самого Сашкова, род и не думал затухать.

Тучи начали сгущаться, когда Александр стал вспоминать всю родню отца. По крайней мере, его три дяди (один родной, а два других двоюродных) оказались сухими побегами на генеалогическом древе. Все трое так и не завели семьи. Тут уж о наличии детей и говорить

не приходилось. Брат отца замерз в траншее на стройке, один из двоюродных сгорел заживо, а второй... прочем то была отдельная история.

И вот тут стало что-то проясняться. Туман начал рассеиваться. Стали появляться факты, от которых и можно было отгаликиваться. Только теперь Сашков и понял, что не обращал на эту странность раньше.

Его прадед как выяснилось погиб в конце двадцатых годов, незадолго до рождения наследника. Дед Александра так и не увидел своего отца.

– А это уже теплее, – проговорил Федор, словно они играли в старую игру «Тепло-холодно»: – выходит, проклятие на одном из предков по мужской линии. Хотя знаешь, давай и женскую линию проверим.

Все бабушки по этой линии у Сашкова прожили долго, а семьи у них были полные.

– Уже что-то, – проговорил Федор. – Мы нашли ниточку, за которую можно потянуть и глядишь, клубок распутается. Так что теперь слушай меня. Кажется, созрел план. В успехе, которого я теперь уверен на все сто процентов.

Меншиков попытался коротко изложить свои выводы. По его мнению, выходило, что проблем по женской линии генеалогического дерева Сашкова не было. Да и Шурик с этим был согласен.

– Род он ведь только по мужской линии продолжается, – пояснил Федор.

Ведь любая женщина, выходя замуж, в основном, меняла фамилию. Во-вторых, только мужчины могут быть заражены «вирусом» безбрачия. Только у них почему-то, как предполагал Федор, пониженная самооценка в создании семьи. Любой мужчина мечтает оставаться независимым, и если тот не проявит усилий в борьбе за продолжения рода, что относилось к Сашкову, то у такого индивидуума род просто прекращался. Хотя бывают случаи, что проклятье передается через женщин, при этом на самой женщине оно не отражается. Именно такая ситуация была с сестрами деда Александра.

– Тебе может просто чуточку посмелее быть. – Посоветовал Федька, после того, как объяснения закончились.

– Так я вроде и не трус. Просто...

– С тобой все ясно. Что ж, значит, другого выхода нет. Мы отправляемся в прошлое. Сначала в тот период, когда твой прадед еще был жив. От него мы или узнаем историю проклятия, или найдем такого человека в генеалогическое дерево, который имел неприятности в прошлом. Он в отличие от нас с тобой, наверное, должен хорошо знать историю рода. Потом вернемся сюда, я имею в виду в наше время, и решим, что делать дальше.

Федор замолчал, задумался, посмотрел на пустой стакан.

– Да, пожалуй, так и поступим, – произнес он через минуту. Потом встал и ушел в соседнюю комнату, которая служила ему кабинетом, и где у него находился компьютер, подключенный к интернету.

Его минут пять не было. Вернулся вовремя. Сашков как раз наполнял себе стакан.

– Не нужно Саш, – проговорил он, Александр взглянул на товарища и стакан оставил, – тебе сейчас хватит. Я попытался забить в компьютер всю информацию. Завтра проанализируем и сделаем запрос в интернете, благо сейчас там много энтузиастов, что разными путями восстанавливают генеалогические деревья. Ищут свои корни. Можно у них поспрашивать, как это делается. Слава богу, – Федор сел, – твоя фамилия не такая распространенная, как скажем – Иванов или Сидоров. Их вон, сколько по Руси матушке ходит. – Подмигнул, – мы твоего прадеда вмиг отыщем.

– Если бы все так просто было, – вздохнул Александр. – Я ведь пытался было в свое время навести справки, но, увы. Мой прадедущка носил совершенно другую фамилию. Дед получил фамилию уже после смерти своего отца. Я видел метрики. А – Сашков – это девичья фамилия прабабушки. Она была вынуждена ее ему дать.

– Вот это фокус, – присвистнул Федька.

– Фокус, – Сашков фыркнул, – нет, это не фокус. Это необходимость. Иначе с той фамилией, что была у прадеда деда просто никуда не взяли бы. Сама же прабабка была родом из Питера. У нее и сейчас там дальние родственники живут – здесь он замолчал, покосился на Меншикова и сказал: – об этой генеалогической линии я ничего не знаю.

– Так, в общем-то, это и не важно. Как хоть ее звали?

– Анастасия.

– Красивое имя. – Прошептал Федор, взглянул на своего товарища и сказал: – Выходит твой прадед явно был в неладах с Советской властью. Раз она решилась пойти на столь отчаянный шаг. Явно не рабоче-крестьянского происхождения. Вот это коленкор выписывается. Аж картина маслом.

Сашков и сам частенько об этом задумывался. Особенно после того случая с метрикой дедушки. Даже в какой-то степени считал себя дворянином. Отчего и одевался, иногда щегольски. Предпочитая обычным ботинкам – старые добрые казаки. Нет в его жилах, а он в этом был уверен, никогда не текла кровь ни люмпена, ни мужика-лапотника, кои, что и умеют, так это пить горькую да кислые щи хлебать.

– Получается, ты должен был быть родом из дворянской или купеческой семьи, – предположил его приятель, – ну и как фамилия твоего деда? Ты ведь метрику смотрел.

– Хитров Тихон Афанасьевич. Родом из Белозерского района, Вологодской области.

– Вот, с этого и надо было начинать, – улыбнулся Федька.

Теперь было ясно, что фамилия Хитров явно не рабочего и крестьянского происхождения. Здесь действительно присутствовало дворянство, ну или на худой конец купечество.

– Да, наобум тут явно не стоит ничего делать, – проговорил Меншиков, после минутного молчания. – Фамилия явно знатная, и как твой прадед оказался в такой глуши. Твои предки случаем, не замешаны в восстании декабристов?

Федька замолчал и покосился на пол. Ему стало ясно, что он сказал какую-то глупость. Ведь спрашивать у Александра были ли у того родственники замешаны в восстании декабристов, это все равно, что утверждать, что Сашков знает историю семьи. А это было неправильно. Меншиков выпил залпом бургундское и закрыл лицо руками.

– Для подготовки к путешествию недели, пожалуй, хватит, – вдруг сказал он, – видишь ли, мне нужно еще посетить один военно-исторический клуб. Я должен заказать там военную форму. Думаю, как военным нам легче будет хоть, что-то узнать. Кстати, в каком городе, твой прадед жил перед смертью?

– Череповец.

– Город с неплохими традициями, – пробормотал он, – да и память там ценят.

На следующий день, Федька обзвонился в Череповецкий архив и попросил, чтобы для него подготовили справку по семье Хитровых, что проживала в их городе после революции и до конца двадцатых годов. На том конце, что-то буркнули и повесили трубку.

II

Осень 201.. года. Под Псковом. Дом Меншикова.

Неделя пролетела незаметно. Меншиков почти все эти дни провел дома за компьютером и попытался отыскать хоть что-то во всемирной паутине. Да вот только это были все обрывки информации. Огромная статья оказалась на Википедий. С одной стороны кладезь знаний с другой, если так можно выразиться, детища Скалигера, к которому прославленный хронограф все же руки своей не приложил. Правда, когда Федор читал там статьи по истории, у него частенько складывалось мнение, что именно так и писалась когда-то хронология. Наобум и без научных изысканий. Даты путались, события иногда происходили совсем иначе. Тут же вспомнился старый добрый фильм Ридли Скотта «Гладиатор» с Расселом Кроу в главной роли. Вот где-где, а именно в нем американцы так поиздевались над историей (пусть, как теперь выяснилось и надуманной), что смотреть сие творение, поклоннику исторических фильмов просто не хотелось. Чего стоит только генерал в римской армии. Впрочем, Меншиков искал информацию не о кино и даже не о древнем Риме. Сейчас его интересовали люди с фамилией Хитров. А их оказалось достаточно много, осталось только выбрать, кто из них принадлежал к генеалогическому древу Сашкова. Этот или этот? А может все? То, что род этот был древний, Федор не сомневался.

Пару раз он смотался в Псков. Посетил ателье. Вначале чтобы проверить, правильно ли выполняется его заказ, пришлось даже кое-что примерить, а уж потом забрать выполненную работу. В ателье он, так уж сложилось, был постоянным заказчиком. Отчего его причудам почти никто не удивлялся. Девушки, шившие ему костюмы семнадцатого, пятнадцатого и вот теперь двадцатого века, смотрели на Федора, как на обычного реконструктора, коих в России, после перестройки, развелось не меряно. Ну, если нравится человеку играть в войну, изображая из себя солдат прошлых веков, так это его право.

Наконец Меншиков сделал еще один звонок в Череповец, чтобы полюбопытствовать, готовы ли документы, которые он просил. И не могли бы те их ему прислать в Псков. Ответ был лаконичный. Девушка на том конце провода просто попросила приехать в Череповец и забрать справку лично. Причем сделала она это на удивление вежливо. Что больно уж Федора поразило. В какой-то степени их это устраивало. Пока бы документы шли, пока ехали в Череповец, прошло бы довольно много времени, а так получили, прыгнули в прошлое и понеслось.

Самое лучшее время осенью это конечно бабье лето. Днем еще тепло, а утром уже начинает холодать. Правда, мир все еще в зеленом цвете, зато потом с началом октября все вокруг начинает меняться. Наступает «золотая» осень, время, когда все вокруг, пусть и на несколько часов в день становится ярко-желтым. В этот период частенько начинает накапывать мелкий холодный дождь, дуть прохладный ветерок, срывающий с ветвей желтые и красные листья. И те кружатся в осеннем вальсе, падая на уже остывшую, но еще окончательно не промерзшую землю. Птицы устремляются на юг, и начинается сезон охоты. То тут, то там в придорожных лесах звучат выстрелы.

– Вот вернемся из прошлого, разберемся с твоим проклятьем и сходим Санек на охоту, – проговорил Федор, когда они вечером сидели в гостиной, – Я надеюсь, ты не передумал на счет путешествия. А то, путешествие отложить не долго. Возьмем ружья и айда в лесок?

– Не передумал, – проговорил Сашков, сворачивая свежий номер городской газеты.

– Ну, и хорошо. Жаль будет, если средства, затраченные на экспедицию, пропадут зря.

Денег, как отметил Сашков, на приготовления действительно ушло порядочно. Чего только стоят эксклюзивные костюмы той эпохи. В основном это были остатки тех денег,

что когда-то получил Александр, когда увольнялся из университета. Их бы явно не хватило, если бы Федор не смотался в прошлое и не положил на счет в Сбербанке. За это время там набежала солидная сумма. Чтобы все за один раз не снимать, Меншиков сделал пластиковую карту.

– Сейчас я тебе покажу то, на что у нас ушло больше всего, пока средств, – проговорил Федор и выбрался из-за стола.

Он подошел к шкафу и открыл створки. Порылся несколько минут и достал военную форму эпохи гражданской войны. Шаровары, широкие до паха и постепенно сужающиеся к низу, темно-серого цвета. Когда-то их носились в имперской и белой армии. Гимнастерку с нашитыми горизонтальными полосками синего тона, шинель кавалерийского образца, застегивающуюся на четыре крючка, буденовку и черные хромовые сапоги.

– Будем выдавать себя за кавалеристов, возвращающихся к себе в деревню, – проговорил он, складывая одежду в старенький чемодан, – переоденемся в прошлом. Поедем в Череповец на нашей «Газели», это не так бросается, как скажем самолет, ведь ни сейчас, ни век назад его за дракона уже не выдашь. За НЛЮ он еще может и сойдет, да и то вряд ли. Не зачем нам с тобой лишний шум.

Осень 201.. года. Череповец.

В Череповец въехали по автомобильному мосту, что располагался над железнодорожными путями, со стороны трассы Вологда – Новая Ладога.

– Гигант индустрии, – пробормотал Сашков, разглядывая в открытое окно «Газели», трубы металлургического комбината. – Промышленный центр. Тут, наверное, жить просто невыносимо? Постоянно висящая в воздухе гарь, копоть.

– Не думаю. Я тут ползил перед отъездом по интернету, – проговорил Меншиков, – вроде окружающая среда здесь более-менее. Только один человек выступает с критикой в адрес руководства комбината.

– Я бы на твоём месте, Федор, в это не верил, – усмехнулся Шурик.

– Тому, кто против выступает? И почему я не должен верить?

– Насчет оппозиционера я, пожалуй, ничего не скажу. Человека обидели, вот он и пытается, хоть таким способом отомстить. Я ведь имел в виду, сообщения в интернете не верь. Зависить показатели не долго. Вполне возможно, что выбросов вредных элементов в небо утром и днем нет, зато я не удивлюсь, что когда народ мирно спит в своих квартирах... Впрочем, это уже политика.

– Думаешь, умышленно делают?

– Да, нет. Иногда по глупости. Так называемый человеческий фактор.

Между тем за окном автомобиля мелькали трубы предприятия. Затем пошли корпуса цехов и вскоре они выехали с моста на перекресток. Меншиков не стал говорить Сашкову о том, что еще несколько лет назад им бы пришлось плутать по узким дорогам, переезжать железнодорожные пути и стоять в пробке, да и окно Александр вряд ли решился открыть.

Они пересекли перекресток, миновали с десяток пошарканного вида гаражей, возле которых сновали люди. Вывода своих железных коней из так называемых конюшен. Сашков даже разглядел одного мотоциклиста, тот возился над старенькой «Явой», тот явно проверял свечи. Проскочили мимо указателя, сообщающего то, что это трасса вела напрямик в сторону Рыбинска, а затем остановились, не доезжая до перекрестка, у палатки. Пока Сашков разглядывал недостроенное и уже заброшенное здание гостиничного комплекса, которое должно было поражать горожан своим величием, Меншиков выбрался из «Газели» и прогулялся к палатке. Заходить в палатку ему не пришлось, так как на встречу вышел парень с шикарной светлой шевелюрой, с густыми усами и с бутылкой пива в руках.

– Приятель, не подскажешь, как проехать на Гоголя? – спросил его Федор.

Товарищ улыбнулся, достал из кармана сигаретку и стал объяснять. Сделал он это на удивление Сашкова слишком быстро. Даже закурить толком и не успел. Пожал руку Федору и поспешил во двор.

Меншиков забрался внутрь автомобиля и проговорил:

– Сейчас быстро домчимся. Как доехать до Гоголя он объяснил, а вот где находится архив, он не знает. Да и понять то его можно. Ведь туда обращаются только когда прижмет. Справочку, какую взять.

Они подъехали к перекрестку, и Федор свернул налево. Ехал пару километров по прямой. Пока Меншиков вел «Газель» Сашков любовался городом. Современные дома сочетались со старой архитектурой. С лева мелькнуло здание не то рынка, не то местного цирка. Вроде и народ торгует, а с другой стороны над самым входом в него красовалось сообщение, что в городе выступает Московский цирк. Миновали мост, раскинувшийся над небольшой речкой, промчались под железнодорожным мостом, так же густо обвешанного рекламой, и свернули у сквера, в глубине которого темнел маленький бюст. Приятели предположили, что принадлежал тот, скорее всего, Николаю Васильевичу Гоголю. Остановились у многоэтажки. Приятели выбрались из автомобиля, и Сашков оглядел дом. Такие строили для АТС³. На первых двух этажах находились кабинеты сотрудников, а на остальных мощные аппараты, обеспечивающие соединения. Сейчас, из-за того, что аппаратура стала довольно компактной, необходимость в таких домах резко отпала, и чтобы здание не пустовало, его отдали под архив. Вот только вместо аппаратуры шкафы с документами. Пришлось обойти дом, прежде чем удалось среди магазинов обнаружить, скромную и неприметную дверь архива. Меншиков потянул за ручку и та отворилась. Пропустив Сашкова вперед, он вошел вслед за ним.

– Вы куда? – раздался сердитый голос охранника. Тот оторвался от фантастического романа и теперь удивленными глазами смотрел на пришельцев.

– Нам бы справочку получить, – произнес Федор.

– Для начала предъявите ваши документы, – потребовал здоровяк и показал рукой на табличку: «Вход строго по паспортам».

Меншиков протянул свой и приятеля. Охранник взял документы минуту их изучал, поглядывая то на одного, то на другого. Затем сделал запись в журнале и произнес:

– Вам на второй этаж, пятый кабинет.

Сашков и Меншиков прошли по светло-бежевому коридору и очутились у лестничной клетки. Поднялись на второй этаж.

Кабинет номер пять оказался рядом с лестничным пролетом. На дубовой двери, покрашенной в светло-серый цвет, красовалась латунная табличка с черной надписью «Чельцова Елена Григорьевна – специалист». В какой области она была им и предстояла приятелем узнать. Федька осторожно, словно опасаясь потревожить, постучался. Затем приоткрыл дверь, заглянул и спросил:

– Можно?

И только получив утвердительный ответ, Сашков и Меншиков вошли.

За столом, на котором лежали различные бумаги. Скромно ютились письменные принадлежности, и коробка с различных размеров скрепками сидела солидная дама средних лет. Из-за того что на ней были роговые очки и розовая вязаная кофточка, женщина выглядела

³ Автоматическая телефонная станция, АТС – система устройств, обеспечивающая автоматическое (без участия оператора или телефонисток) соединение и поддержание телефонной связи между абонентами этой АТС, пользующимися для этого специальными конечными устройствами – телефонными аппаратами, факсами и др. (*исторически такую станцию называли локальной АТС, то есть местной АТС, где нет выхода на наружные телефонные сети*). Если же АТС является одним из элементов некоторой телефонной сети – то данная АТС должна обеспечивать соединение и поддержание связи со всеми абонентами сети – как «своими», так и подключенными к другим АТС сети.

на много старше. А еще свое веское слово сказала прическа, которая категорически не подходила к ее типу лица, как отметил потом в разговоре с Федькой Сашков.

– Чем могу помочь? – спросила она, взглянув на приятелей.

– Мы к вам по запросу на счет Хитрова Тихона Афанасьевича, – проговорил Федя.

– Что-то я не припомню, что было такой запрос, – проговорила дама и стала перебирать свои бумаги.

– Я не так давно звонил вам по телефону... – начал было пояснять Меншиков, но Чельцова бросив на него гневный взгляд, словно они сделали что-то, ни то, или даже провинились, его перебила: – Мы работаем по письменному заявлению.

– Хорошо, – согласился Федор, он еле сдержался, чтобы не назвать ее – бюрократкой, – мы сейчас его напишем.

Женщина протянула ему ручку и бланк. Меншиков тут же заполнил его, по лежавшему на столе образцу. Протянул его Елене и спросил:

– И долго нам ждать?

– Неделю.

– А нельзя ли ускорить эту процедуру? – полюбопытствовал молчавший до этого Сашков. – Мы ведь приезжие.

– Нельзя. Не от меня зависит. Оставьте ваш телефон, и я позвоню, если получится сделать это раньше.

Зависнуть в Череповце на неделю в планы приятелей не входило. С их машиной времени достаточно было совершить перемещение в будущее, а не ждать звонка. А вдруг процедура затянется немного дольше? Что тогда?

– Хорошо. Мы лучше сами приедем к вам через неделю.

Они покинули архив. Меншиков сбегал в соседний магазин и притащил упаковку сока. Сашков достал из бардачка пластиковые стаканы и спросил приятеля:

– Ну, и что теперь будем делать.

– Что, что, – улыбнулся Федька. – Я смотаюсь в будущее и возьму бумаги. А ты погуляй в сквере и жди.

Сашков спорить с приятелем не стал, а прогулялся в сквер. Сел на скамейку и стал разглядывать горожан, что спешили по делам. Сквозь золотую листву на противоположной стороне был виден универсам Рассвет, через дорогу странной архитектуры здание, вполне возможно какого-нибудь дома культуры.

Он и не заметил, как у того здания остановилась газель. Если бы не знакомый гудок, то и не обратил внимания. Из машины высунулся Федор и помахал ему рукой.

– Все достал, – проговорил он, когда Сашков сел на соседнее сидение. – Заодно и план старого Череповца в интернете скачал. Осталось только где-нибудь его распечатать.

– Ты лучше расскажи, как все произошло.

– Долгая история, – пробормотал его друг, – да ладно.

Осень 201.. года. Через неделю после посещения архива. Череповец.

Для перехода, пришлось Меншикову отыскать в квартале такое место, куда мало кто заглядывает. Слава богу, как и в любом городе, такой заброшенный уголок нашелся. О том, что он переместился, свидетельствовали деревья, листвы, на которых теперь уже стало меньше. К тому же, когда Федор немного опустил стекло в кабине, его тут же обдул холодный, даже слегка морозный ветерок. Путешественник поежился, и больше попыток предпринимать не решился. Выбрался из «Газели» только когда оказался около архива. Прошел к дверям и совершил уже знакомую процедуру. Охранник в этот раз вопросов не задавал, а взяв паспорт, просто сделал отметку в журнале.

Чельцова была в кабинете не одна, и когда Федор вежливо поинтересовался:

– Можно?

Ответила:

– Подождите минуточку.

Ждать пришлось чуть дольше, а затем из кабинета вышла старушка и проговорила:

– Проходите, молодой человек.

Федька вошел в кабинет, и хотел было уже объяснить причину своего визита, но специалист, взглянув на него, произнесла:

– Вы, приходили в прошлый раз. Интересовались судьбой некоего Хитрова Тихона Афанасьевича.

Меншиков утвердительно кивнул, и отметил, что сегодня женщина внешне изменилась. Вместо розовой вязаной кофточки и нелепых очков в роговой оправе, на ней был строгий костюм и, по всей видимости, линзы. Встреть он ее на улице ни за что бы, ни узнал.

– Я, почему вас прекрасно помню, – пояснила она, вставая из-за стола и подходя к шкафу, где лежали папки, – во-первых, оттого запрос вас самый интересный за последнее время. В какой-то степени даже неожиданный. Редко кто интересуется историей людей, проживавших в нашем городе до Великой Отечественной Войны. Даже можно сказать, вы первый. В основном просят восстановить тот или иной документ. Во-вторых, у меня сложилось такое ощущение, что я вас где-то видела. Вы случаем не артист?

– Увы, нет. Скорее обычный человек, проводящий скромный образ жизни.

Глаза у женщины на мгновение потухли. Видимо ответ ее разочаровал.

– Да, ладно. – Проговорила она. – Ну, не артист. Значит, просто показалось, что где-то раньше вас видела.

– Вполне возможно, – согласился с ней Федор.

– Вот-вот, – проговорила Елена и открыла папку. – Вернемся к Хитрову Тихону Афанасьевичу. Ваш запрос заставил меня поднять такой пласт истории. Вы знаете, Хитров Тихон Афанасьевич был убит в свое время. Самое загадочное преступление в нашем городе того периода. Его убийц так и не нашли, хотя делом занимался тогдашний руководитель местного ОГПУ – Наседкин. – Она взглянула на Федора и поняла, что фамилия начальника спецслужб той поры, на посетителя впечатления не произвела. – Сейчас я сделаю вам копию документов, а вы пока распишитесь в бумагах. Вот здесь и здесь, – и она ткнула пальчиком в листок бумаги, что сейчас лежал перед Федором. – Вы уж не обижайтесь, но такие уж правила. Ну, не могла я вашим делом заниматься неделю назад. У нас ведь очередь.

– Да я-то понимаю, – молвил Меншиков, ставя закорючку в двух местах.

Между тем Чельцова протянула ему папку, в которой лежали только что отпечатанные на принтере копии документов.

– А вы сами кем являетесь Хитрову? – вдруг поинтересовалась она.

– Видите ли, мой друг, является потомком Тихона Афанасьевича. Он его внук.

– А что же он сам не приехал.

– Так ведь работа. В прошлый раз дали отгул, в это нет, – соврал Федор.

– Понимаю, – вздохнула женщина. – Сама вот хотела бы денек взять да отдохнуть, да начальство не отпускает.

Понимая, что сейчас беседа может затянуться Меншиков встал.

– Спасибо вам за помощь, – проговорил он, – но мне нужно идти. Хочется еще побывать на месте где в те годы жил прадед моего приятеля. Я ему фотографии обещал сделать. – Федор вытащил из кармана цифровой фотоаппарат и продемонстрировал его даме.

– Понимаю.

Он вышел из кабинета, и уже вскоре сидел в автомобиле. Вновь отъехал в укромное место. Достал ноутбук и вошел в интернет. В «Гугле» набрал карта Череповца. Ответы воз-

никли через мгновение. Вот только пришлось покопаться с часок, прежде, чем нашел на одном из форумов снимок дореволюционного плана города Череповца, подписанного аж самой Екатериной Великой. Скинул картинку на ноутбук.

– Вместе с Сашковым, в каком-нибудь салоне распечатаем.

Установил дату своего отбытия в будущее и нажал кнопку.

Осень 201.. года. Череповец.

Микроавтобус помчался дальше по Гоголя, свернула налево, потом еще раз налево у длинного красного коттеджа, и остановился. Сашков сидел на лавочке и разглядывал местный пейзаж.

Закончив разговор, Федор взглянул на приятеля.

– Ну, поехали. Нам еще «Газельку» заправить нужно. Когда сюда ехали, я тут одну заправку приметил.

Он завел двигатель. Вскоре они выехали на проспект, а еще через несколько минут, пока автомобиль заправлялся, Меншиков открыл папку и достал документ.

– Хитров Тихон Афанасьевич, дворянин. Тысяча восемьсот восемьдесят девятого года рождения. До революции владел поместьем в деревне Хитрово, Кадуйского района. Имел двух дочерей и сына. В Череповце проживал на Пролетарской улице в доме номер тридцать пять. Был убит при странных обстоятельствах в начале тысяча девятьсот двадцать седьмого года. Убийца до сих пор не найден.

Замолчал. Закрыв лицо руками и сказал:

– Сейчас карту города того периода распечатаем, а затем будем искать место для перехода.

По счастью распечатку документов, оказалось, сделать не так и сложно. И уже вскоре Сашков держал в руках точную копию плана города той эпохи, оригинал которой висел в краеведческом музее.

III

Осень 201.. года. Череповец.

Ближе к вечеру им удалось обнаружить подходящее место для перемещения. Пришлось обойти всю округу в периметре местного собора, оставив машину около местной воскресной школы. Оно оказалось недалеко от дома-музея местного градоначальника, у самого берега в овраге. Меншиков перегнал «Газель», как можно ближе. До этого даже пришлось объехать вокруг храма. Пока он вытворял чудеса вождения, Сашков обратил внимание на местный речной вокзал. Скорее всего, предположил он, построены они были довольно давно, так как из двух, только одно функционировало. Между тем Федор припарковал машину, так чтобы ее не было видно ни с Соборной горки, ни с берега. Лично пробежался и убедился, что все получилось. Пока не стемнело, приятели прогулялись к собору. Там на специальной площадке они стояли, любуясь местными красотами. Справа был дом-музей местного градоначальника, позади храм, внизу пристани, а далеко за рекой красовался совершенно новый и современный район. С высотками, торговыми центрами. Когда же ночь, окутала землю, спустились и вытащили из автомобиля «сферу». Теперь они готовы были совершить путешествие в прошлое. На местной колокольне, что была когда-то восстановлена в восьмидесятые годы, монах начал играть «вечерню». На удивление как-то это у него получалось неуклюже. В чем была причина? Никто не мог ответить на этот вопрос.

– Пор, – проговорил Федор. Достал одежду из чемодана и они переоделись. Затем Меншиков поднял дверцу аппарата и залез вслед за Сашковым внутрь. Там путешественник нажал несколько кнопок. Компьютер точно рассчитал все, и они переместились в прошлое.

Весна 1926. года. Череповец.

На улице была ранняя весна. Солнце только-только поднялось над горизонтом. Сашков потянул носом теплый воздух и улыбнулся. Ни о каком загрязнении окружающей среды сейчас и думать не приходилось. Если и был в это время в Череповце завод, то он вряд ли так уж сильно влиял на местную природу. Первое что сделал Александр, когда выбрался из «сферы» наружу, так прошелся до берега. Остановился. Река была намного уже, чем видел он ее в двадцать первом веке. Казалось, что ее можно было запросто переплыть. Где-то над головой закричали утки. Сашков невольно посмотрел вверх и увидел летящий в голубом небе клин. Где-то журчал, спускающийся с Соборной горки ручеек. К нему подошел Меншиков, и, положив руку на плечо, произнес:

– Ну, вот и прибыли. – Улыбнулся. – Двадцатые годы. Несколько лет назад умер Ленин, а Сталин еще не успел захватить власть в полном объеме. А точнее, – Федька вернулся к «сфере», заглянул внутрь. Вернулся и произнес: – Точнее тысяча девятьсот двадцать шестой год.

Меншиков достал шинель из «сферы» и, посмотрев на Сашкова, вдруг спросил:

– А ты, Санька, на лошади умеешь ездить?

– Да, а что? – полюбопытствовал Сашков.

– Мы выдаем себя за кавалеристов, а что если выйдет так, что нам придется скакать в седле. Представь, какой конфуз был бы, если мы бы не умели. Кавалерист, который не может держаться в седле в этой эпохе нонсенс. Как и в любой другой, но не нашей. Ведь у нас она, кавалерия, почти исчезла. Я-то умею.

Меншиков искусство верховой езды изучил при предыдущей отправке во Францию. Там уж сообщил, что без умения в столь опасной эпохе не выжить. От преследовавших всадников на своих двоих далеко не убежишь.

Между тем солнечные лучи пробились сквозь ветки в овраг и заиграли на корпусе «сферы». Меншиков взглянул на блики и произнес:

– Ну, пошли твоего прадеда.

Они выбрались из оврага. Медленно не спеша шли по берегу, пока не вышли уже знакомую булыжную мостовую, которая с высокого берега спускалась к пристани. Сашков тут же отметил, что это были те же самые, которые он видел в начале двадцать первого века. Да и мостовая тоже хорошо сохранилась. Что ее отличало от той из будущего, так это современная тропинка, со стороны собора. Сейчас кирпичная дорожка просто отсутствовала. Меншиков посмотрел на остановившегося приятеля и сказал:

– Ну, что встал? Пошли.

То, что по такой мостовой современному человеку идти непривычно, оба убедились после нескольких метров. Если бы их сейчас кто-то заметил, то, наверное, заподозрил бы неладное. Кое-как после нескольких метров освоились, благо Сашков в свое время бывал на Красной площади. Правда, там булыжники были подобраны один к одному.

– Мы с тобой только сотрудников ОГПУ, – проговорил шепотом Меншиков, – должны опасаться, ведь они нас за беляков принять могут, не смотря на то, что мандаты почти, как настоящие. Не думаю, что они поверят в нашу сказку.

Мостовая вывела их на площадь. Сейчас она отличалась от той, какую они видели в будущей. Кроме булыжников и деревянных мостовых по периметру, бросалось в глаза отсутствие креста «Воинам интернационалистам» и «Жертвам революции». К тому же собор походил на обычный дом. Купола были уже снесены.

Теперь уже Меншиков втянул носом воздух.

– Я вижу и ты, Федя, заметил, что воздух тут совершенно иной, – проговорил Сашков.

– Что верно, то верно. Запахи и есть, но они совершенно иные, частично для человека, рожденного в современных городах, незнакомые.

Когда же они выбрались на Советский проспект, то Федор был просто шокирован. Где-то он слышал, что якобы одна из старейших улиц, и бывшая когда-то центральной, сохранилась в неприкосновенном виде. Этакая одно – двухэтажная Россия. Это была совершенно иная улица. Во-первых, исчезли все высокие дома, во-вторых, дома были частично совершенно другие, в-третьих, исчезли пустыри, появившиеся в будущем.

Вот что она собой представляла.

Вдоль булыжной улицы теснились двухэтажные особнячки. Частично каменные, частично деревянные. Между дорогой и зданиями, на одинаковом расстоянии стояли деревянные столбы с натянутыми проводами. В канавах, разделявших мостовую и улицу, текли весенние ручейки, и перейти дорогу в другом месте просто не было возможности.

Возле двух этажного каменного дома, над входом в который висел балкон с ажурными перилами, почти у самого перекрестка, стоял автомобиль. Это был старенький Руссо-Балт. Возле него крутилось несколько человек в кожаных куртках, с пристегнутыми к поясу наганами. Внезапно, для приятелей, дверь открылась, и из здания вышел мужчина, с аккуратненько ухоженной маленькой испанской бородкой, в сером пальто. На голове был котелок, а в руках он держал портфель.

– Нарком просвещения Луначарский, – прошептал Сашков, – я его таким видел в учебнике истории СССР.

Народный комиссар просвещения сел в автомобиль и тот умчался. Меншиков предположил, что, скорее всего, тот отправился на железнодорожный вокзал. Вполне возможно там его ждал отдельный вагон. Вышедшие вместе с ним местные чиновники, проводив, удаляю-

щуюся машину взглядом, вернулись в здание. Федор был уверен, что это событие останется у них в памяти. Приятели задерживаться не стали и проследовали до следующего перекрестка. У часовенки Филиппа Ирапского они повернули на права, зашагав по улице, только что получившей название – Коммунистов. И вскоре они заметили тот дом, где проживал Хитров. Двухэтажное здание ютилось на перекрестке двух улиц. По огромным окнам, так не свойственным для домов обычных обывателей, можно было предположить, что здесь мог жить только дворянин. Даже сейчас, когда шел девятый год новой России, его бывший хозяин по-прежнему занимал все здание, о чем свидетельствовали роскошные шторы, что можно было разглядеть через мутноватые стекла.

Сашков замер в нерешительности перед воротами. Меншиков толкнул его слегка в плечо и прошептал на ухо:

- Что сдрейфил?
- Есть немного.
- Тогда может, вернемся, а то потом поздно будет.
- Раз уж пришли, я назад не поверну.
- Тогда стучи.
- Не могу.
- Тогда я это сделаю.

Федька несколько раз кулаком ударил в обитые железом ворота. Во дворе залаяла собака.

- Хозяин открывай, – прокричал он.
- Иду, иду, – раздался со стороны дома женский голос.

Ждать пришлось недолго. Маленькая калитка в воротах со скрипом распахнулась. Молодая девушка, в красном сарафане и маленьких поношенных сапожках, явно доставшихся от хозяйки, удивленно уставилась на пришельцев. Оба приятеля так же застыли в недоумении. Вообще-то они не ожидали, что она будет так выглядеть. Хотя в ее виде было то знакомое, что можно разглядеть в старых кинохрониках. Этакий колорит старой и доброй России конца девятнадцатого и начала двадцатого века.

– Вам кого надо? – грозно проговорила она, сжимая в руках скалку. Не иначе приятели ее отвлекли от возни на кухне. И теперь с таким вот оружием она была готова отбить любую атаку не прошенных гостей.

– Ты уж поосторожнее, – пробормотал Федор. – Нам бы Хитрова Тихона Афанасьевича увидеть.

- Его нет дома, – проворчала она, но скалку не убрала, – а кто им интересуется?

Сашков даже опешил. Он не знал, что и сказать. Это там, в Австралии все было просто, а здесь? Но Меншиков в отличие от него не растерялся. Он вытянулся, взял руку девушки. И поцеловал.

– Позвольте представиться Меньшов Федор Степанович. – Проговорил Федька, – а это, – он кивнул в сторону Сашкова, – родственник вашего предводителя дворянства – Мефодий Григорьевич Хитров. Оба только что прибыли из Петрограда.

Девушка сделала шаг назад. Осмотрела Сашкова с ног до головы и произнесла:

– То-то я погляжу, он на Тихона Афанасьевича похож. Да вот только Тихон Афанасьевич ничего о своей родне в Петрограде не говорил. – Она вновь взглянула на Александра, – А ты чай ему наверно дальним родственником приходишься?

– Дальним, – согласился с ней Шурик, – а ты девонька, кем Тихону Афанасьевичу приходишься?

– А я подруга его жены, Серафимой меня кличут. Помогаю супруге Тихона Афанасьевича по хозяйству. Ба, да что ж вы на улице стоите, – вдруг загалдела она, – в доме подождите Тихона, ведь он скоро придти должен. Он ведь в управу ушел.

Девушка вдруг спрятала скалку за спину и покраснела.

– Просто детишки частенько балуются.

– Что-то я на мальчишку не смышленного не похож, – проговорил Федор и улыбнулся, – да и он тоже.

Вошли во двор. Здесь под тенью высоких дубов находились сарай и конюшня. Из небольшой будки, высунув нос, смотрел на них огромный черный пес. Весь его азарт, куда-то улетучился. Вот только переступить порог, приятели не решались, отчего девушка, грозя навернуть обеим скалкой, что, дескать, не место на улице мерзнуть, заставила их войти в дом, а сама убежала в сторону сарая, откуда тут же донесся визг поросеночка.

– Типичный провинциальный городок Российской глубинки, – вздохнул Федор, и открыл дверь в дом.

В сенях их встречала хозяйка дома.

– Доброе утро хозяйка, – сказал Федор, – позволь представиться – Меньшов Федор Степанович, а это Хитров Мефодий Григорьевич.

Девушка улыбнулась.

– А чай, не сын ли ты – Григория Тимофеевича? – проговорила он, разглядывая Александра.

Последние слова поразили Меншикова. Ведь он имя отчество Сашкову наобум придумал. И надо так случиться – угадал. Федька даже занервничал. Сейчас спросят что-нибудь такое и легенда, придуманная им, посыплется, как карточный домик. Он взглянул на приятеля. Александр стоял, разглядывая прабабку, как парализованный. Казалось, он готов был ответить, но просто не мог.

– Ну, так и есть. Ты же на Тихона похож, да и черты Григория у тебя присутствуют. Да, что это я, – вдруг запричитала она, – вы ведь с дороги, может, чаю хотите. Ой, меня же Анастасия зовут, совсем забыла вам представиться.

– Да не откажемся хозяйка, не откажемся, – пробормотал Федор, а та уже засуетилась, – да, что мы все в сенях да в сенях, пойдемте в горницу.

Втроем они поднялись по деревянной скрипучей лестнице на второй этаж. Впереди Настя, позади Меншиков и Сашков. Вошли в гостиную. В комнате чувствовалось убранство начала прошлого века, и даже сейчас через девять лет после Октябрьской революции, здесь по-прежнему в воздухе летал дух дореволюционной эпохи.

Сквозь огромные окна в горницу проникал солнечный свет. Лучи так и играли по самодельным половикам, коими был устлан пол. Посреди комнаты стоял покрашенный черной краской круглый стол, с накрытой белой скатертью. Вокруг него шесть стульев. У стены диванчик. Рядом с ним этажерка и шкаф. В углу, прислоненной к стене, стояла гитара. На потолке висела керосиновая лампа. Хитров так и не решился провести в дом электричество, но уже подумывал, так как во дворе Меншиков заметил вкопанный столб.

– Присаживайтесь гости дорогие, – проговорила хозяйка.

Пока рассаживались, из кухни выплыла Сима, неся самовар. Федор хотел было ей помочь, но девушка сказала: – не надо. Ловко поставила его на стол. Видимо, отметил Сашков, что та, сбегав в сарай, успела слетать и на кухню. Удивительно, как она смогла принести его на второй этаж? Анастасия подошла к шкафу и достала оттуда: жестяную коробочку с конфетами, вазочку с пряниками. Поставила на стол.

– Мама, мама – неожиданно послышался сверху детский тонюсенький голосок. По лестнице раздался топот детских ног, и в гостиную ворвалась, как маленький ураган, ребенок. На девчушке было белое платье, усеянное, крупным синим горошком. Волосы заплетены в косу. Увидев незнакомых военных, она прижалась к мамкиной ноге.

– Нюра, не бойся, – прошептала Анастасия, – это наш дальний родственник Мефодий Григорьевич, а это его друг Федор Степанович.

Меншиков улыбнулся и вдруг вспомнил, что в кармане у него лежал петушок на палочке. Он его купил, когда остановились на перекрестке. Пока Сашков разглядывал Луначарского, он купил леденец. Знал, что понадобится. Запустил руку в карман, отыскал и протянул девчужке. Та схватила и убежала.

– Это моя младшенькая, – улыбнулась хозяйка, и прибавила, – пока, младшенькая.

– И сколько у Вас, их? – Спросил Меншиков, кивая в сторону убежавшего ребенка.

– Пока двое.

Анастасия села за стол.

– Сейчас жить стало тяжело. – Проговорила она. – Одни потрясения. После того, как большевики взяли власть в свои руки ни одного спокойного дня. Тихон то чего, он хоть и простои дворянин, но имеющий знатные корни, принял новую власть. Сейчас в гимназии работает, детишек местных учит, а до этого все на нас косо смотрели. А мы что виноваты, что корни наши с Екатерининских времен, а может, и еще каких тянутся. Мы ведь в Новгородской губернии, поди, почти с восемнадцатого века проживаем. С тех времен, когда прадеда из Петербурга изгнала, как зачинщика переворота. Сначала в поместье обитали, а потом уж отец Тихона, покойный Афанасий Георгиевич сюда перебрался. Да вон он портрет прадеда на стене висит, – проговорила она и показала на ряд портретов висевших на стене между окон.

Меншиков тут же смекнул, что именно в тех событиях вполне возможно и стоило искать разгадку проклятия Сашкова. Поэтому вначале решил дослушать хозяйку, а уж потом расспросить.

– Но жизнь, то течет, вот и подумываем с Тишей еще одного завести.

– Это благородное дело, – согласился Федор, встал из-за стола и подошел к портретам. – А это кто? – Спросил он, указывая на изображения человека в мундире времен Екатерины Великой, с заплетенными в косичку белыми волосами, которые, по всей видимости, были не чем иным, как париком.

– Это? – проговорила Настасья, – И есть тот самый предок, что участвовал в заговоре против императрицы Екатерины. Хитров Федор Алексеевич, секунд – ротмистр лейб-гвардии Конного полка, участник переворота тысяча семьсот шестьдесят второго года.

– А это? – поинтересовался Федор, указывая на человека одетого в мундир времен Наполеоновских войн.

– Правнук его Хитров Никита Алексеевич, участник войны Отечественной войны двенадцатого года. Один из трех правнуков Федора Алексеевича, – вздохнув, проговорила она, – от других сыновей у него детей не было. Прадед Тихона. Следующий это дед Тихона – Григорий Никитич, а вон тот, – она показала рукой на самый дальний портрет-фотографию, – это отец Тихона – Афанасий Григорьевич.

– Понятно, – молвил Федор, – у меня такое ощущение сложилось сейчас, что семья Мефодия Григорьевича единственная ваша родня.

– О да, Федор Степанович, – вновь вздохнула Анастасия, – по мужской линии с фамилией Хитровых, что-то странное творится. Почти все мужчины не оставили потомства. Мефодий Григорьевич, если мне память не изменяет, должен свой род вести от старшего брата Федора Алексеевича – Никиты Алексеевича. Зато вот другая линия, что тянется еще от деда Федора Алексеевича в полном порядке. Хотя, – тут она замолчала, взглянула сначала на Сашкова, потом на Меншикова, – они все после переворота в иммиграцию подались. Немного Хитровых в Совдепии осталось.

Федор кивнул и сел за стол.

Внизу скрипнула дверь, а потом скрип перешел на лестницу, и вот на пороге гостиной возник мужчина лет тридцати в темном пальто с лисьим мехом. В руках он держал котелок и трость. Его густая борода, свойственная в начале двадцатого века сильно выступала вперед.

Даже несмотря, что пришедший был небрит, в его лице угадывались все те же родовые черты, что были у Сашкова. Большие карие глаза, орлиный нос.

– Мать, – проговорил он, – Серафима сказала, что у нас гости?

– Да Тиша, – ответила Анастасия, – это твой родственник из Питера. Мефодий Григорьевич.

Тихон Афанасьевич подошел к столу.

– Верно мать, – проговорил он, улыбаясь, – он так похож на Григория. Да и на меня вроде смахивает. Хотя я сам свою родню никогда и не видел. Какими судьбами Мефодий Григорьевич?

– Да вот с приятелем возвращаемся с Дальнего востока, – проговорил Сашков, – ну, и решил заглянуть поведать родню.

Хитров уселся на стул, пододвинул стакан в подстаканнике к себе и начал медленно размешивать сахар.

– Трудные нынче времена, – проговорил он, – Мефодий, Мефодий. Нынче своим родством похвалиться нельзя. Ну, ты не робей. Чай родня. Когда в Петроград?

Сашков заерзал на стуле. Вроде и рано уезжать не стоило, но и оставаться было опасно.

– Сегодня, мы хотели сесть на поезд, – проговорил за него Федор, видя, как его друг пришел в замешательство. – Сами понимаете служба.

– Понимаю. А я погляжу, ты явно наших кровей, ты, как и Никита Алексеевич служишь в кавалерии.

Тихон заулыбался.

За беседой время пролетело незаметно. Наконец Меншиков встал из-за стола и проговорил:

– Нам с Мефодием, увы, но пора.

Хитров изъявил желание их проводить, но Федор кое-как смог его отговорить, сославшись на то, что времена сейчас беспокойные. Чувствовалось, что Тихон заподозрил, что что-то не то, правда, ничего не сказал. Он проводил их до калитки, где и простились.

Вечером город был совершенно иным. А в частности изменился и проспект. Освещенный фонарями, в темной весенней тьме он казался каким-то загадочным. Приятели уже миновали маленькую часовенку, прошли мимо гостиницы «Коммунальной», когда позади них раздался голос:

– Граждане, попрошу вас, предъявите документы. Милиция.

Они развернулись. Перед ними стояли двое мужчин. Один был в форме милиционера, второй в кожаной куртке и пошарпаном картузе, с красной звездой. У обоих на поясе расстегнутая кобура, а в руках они сжимали наганы.

Меншиков улыбнулся. Запустил руку за пазуху. Вытащил оттуда мандат, сделанный по одному из образцов, что им были обнаружены в интернете, и протянул старшему. Тоже самое сделал и Сашков. Казалось, все должно было обойтись, но произошло неожиданное. Офицер свернул мандаты и запихнул в карман

– Прошу прощения, – проговорил он, – но я должен вас задержать.

– Что-то не так? – спросил Федор.

– Прошу следовать за нами, – проговорил второй, сделав вид, что не расслышал вопроса.

Меншиков оторопел, оказаться задержанным в революционные годы никак не входило в планы. Он сделал знак и Сашков его понял. Они не хотели никого убивать, просто им надо было вывести чекистов из равновесия, а для этого хватило простого приема каратэ. Попытка удалась, и пока те пытались подняться, Сашков с Меншиковым уже бежали к машине времени.

– Стоять, – раздалось за их спинами, – стоять, мрази! Стрелять будем.

Прятели уже не слышали. Они пронеслись по площади, сбежали вниз к речке, и уж там перевели дыхание. Нужно было спешить, через пару минут должны были появиться милиционеры. Меншиков открыл дверь машины времени и залез в ее чрево, за ним последовал и Сашков. Федор ввел время того года, из которого они прибыли и нажал кнопку

IV

Осень 201.. года. Череповец.

– Черт, – выругался Федор, – еле ноги унесли. Но ничего теперь мы в своей эпохе, – он открыл люк «машины времени» и добавил, – не удивляйся, я нас перекинул на восемь часов вперед. Не хочется коротать ночь в автомобиле, а так у нас по крайней есть возможность снять номер в гостинице и нормально выспаться.

Они выбрались из сферы. Сашков, пока Федор возился с Газелью, проверяя, не скрутили ли местные отморозки колеса, решил осмотреться на местности. Вдруг кто чужой гуляет с собачкой, а лишние свидетели приятелям были не нужны. Вернулся к машине и помог Меншикову затащить аппарат внутрь.

– Ну, и тяжелый, – проворчал Сашков. – Какой раз эти занимаюсь, а привыкнуть не могу.

– Тут привычка не поможет, – пробурчал Федор, доставая из-за заднего сидения, обтянутый коричневой кожей старенький слегка потрепанный саквояж. Открыл его и высыпал внутрь все, что еще несколько минут назад лежало в карманах его шинели. – опоньки, – воскликнул он, – а мандаты мы с тобой Санек в прошлом оставили. Походу у нас с тобой иного выхода просто и не было. Ну, не убивать же нам было чекистов. Их появление, прямо скажу, лично для меня было неожиданностью. Что-то мы с тобой расслабились. А я дурак, после встречи с твоим дедом, как-то и позабыл, что отправились мы в смутное для России время. Да в те времена почти всех подозревали. Не удивительно, наверное, следили за домом Хитрова. А тут и мы тепленькие. Небось, подозрительными показались, да вот только что после драки кулаками махать. Будем надеяться, что наши с тобой мандаты не повлияли на историю, и сейчас просто пылятся в какой-нибудь папке в архиве на Гоголя.

Федор взглянул на Сашкова, хмыкнул и прошептал:

– Ну, не возвращаться же в прошлое. А теперь, давай переодевайся, или ты собрался вечно так ходить. Нам этот маскарад не понадобится, по крайней мере, сейчас.

Переоделись. Меншиков сложил форму в чемодан и закрепил его в дальнем углу автомобиля, там еще стояли три точно таких же. В двух была одежда пятнадцатого-шестнадцатого века, а третий был пуст. Федор считал, что он может еще пригодится, ведь неизвестно куда их могла закинуть судьба. Вот и сейчас отправляясь в Череповец, он их пихнул в кузов. А вдруг так окажется, что корни несчастья Сашкова пришлось искать в более раннем периоде истории планеты. Меншиков провел рукой по гладко выбритой щеке. Улыбнулся, понимая, что им крупно повезло. Выглядеть на территории Руси-орды гладко выбритым в тот период было очень опасно. Повезло, что отправиться придется во времена Екатерины Великой. Правда, была одна маленькая проблема. У них не было одежды того периода.

Меншиков закрыл дверцу, и вернулся за руль кабины, где его уже ждал дремавший Сашков. Завел двигатель и произнес:

– Что будем делать? Сам знаешь, что к отправке в восемнадцатый век, мы с тобой пока не готовы. Я ведь и предположить не мог, что так получится. – Он взглянул на Сашкова и добавил, – Ты, Санек, себя в этом не вини, это ведь я не все варианты просчитал. Думал, что ты последний в цепочке проклятых, ошибся...

– Возвращаться в Псков глупо, – пробормотал Александр и зевнул. Федька заметил это и тут же решил ехать к ближайшей гостинице, что была недалеко от причалов, возле клуба «Карусель».

– Понимаю, что глупо, – проговори он. – Ты-то что предлагаешь?

Сашков включил ноутбук и запустил программу «Города России». Минуты три рылся, пока на экране не появилось изображение карты Череповца. Он увеличил приглянувшийся кусок и произнес:

– Мы когда из архива возвращались, ехали мимо одного ателье. Мне оно тогда в глаза своей вывеской бросилось. Ателье с такими услугами я ни в Москве, ни в Пскове не встречал. Может, и существуют, но известны только профессионалам, которые пользуются их услугами.

– И что в этом ателье такого необычного?

– Там шьют на заказ театральные и народные костюмы...

– Уловил твою мысль, – перебил его Федор, – да вот только я не уверен, что у них есть мерки той одежды.

– А если в интернете полазить?

– Да, но у ноутбука скоро закончится подзарядка, – вздохнул Меншиков.

– Тогда поехали в гостиницу. Пока отдыхаем он и зарядится. А потом просто смотаемся в ателье и сделаем заказ, – предложил Сашков и вновь зевнул.

– Э, да ты уже засыпаешь, – проговорил Федька.

Они остановились в небольшой гостинице на несколько номеров. Она стояла на речной глади и издали напоминала пристань. Припарковав Газель около соборной горки, приятели поспешили к ней. По деревянным мосткам вбежали на борт, и Федор отыскал комнатку администратора. Пока Сашков смотрел, как играют речные волны, тот снял номер. Вернулся уже с ключами.

– На втором этаже. Окна на реку, ну и конечно розетка на 220 вольт. Пришлось немного раскошелиться за дополнительную услугу, ну, ничего.

Поднялись по скрипучей лестнице. Федька открыл дверь, и они увидели две кровати. Пока Меншиков возился с ноутбуком, подключая его к розетке, Сашков бухнулся на кровать и захрапел.

Наполеону чтобы выспаться нужно было четыре часа, Штирлицу всего двадцать минут, Меншиков не был ни тем не другим. Он прикинул, во сколько открывается ателье и на это время поставил будильник на сотовом телефоне. А когда же проснулся, во-первых, будить Сашкова не стал, а включил ноутбук и вошел в Интернет. Там отыскал эскизы и скинул на флэшку. Шить военные мундиры той эпохи не стал. Опасно. Один раз уже прокололся, и теперь рисковать не стал. Затем разбудил Сашкова и произнес:

– Просыпайся Сашка. Нужно ехать. Я ведь не знаю, где ты ателье присмотрел.

Сашков недовольно потянулся и выругался. Меншиков прекрасно понимал, что тот с удовольствием повалился бы еще с часок на кровати.

– Будет у тебя еще возможность выспаться, – проговорил Федор.

– Ловлю тебя на слове, – сказал Александр и стал одеваться.

Федор же, пока тот этим занимался, набрал в интернете на Гукле – Секунд-ротмистр. Первое что выскочило, так это ссылка с Википедии. Ее он проигнорировал, а открыл следующую на исторический словарь. Выяснилось, а Сашков этого не знал, что это военный чин восьмого класса в кавалерийских частях гвардии, популярен с тысяча семьсот тридцатого года и соответствовал капитану-поручику.

Единственное, что обнаружил о секунд-ротмистре Хитрове Меншиков так это было упоминание о том в записках княгини Княгини Екатерины Дашковой.

Меншиков не выдержал и прочитал кусочек, где тот упоминался:

– Этот Хитрово (так княгиня называла Федора Алексеевича) был одним из самых бескорыстных заговорщиков. Он был очень прямодушен, красив собой и обладал благородными и утонченными манерами, что, может быть, и вызвало ревность Орловых. Его двоюродный брат Ржевский, присоединившийся к Орловым и Хитрову в заговоре против Петра III, пере-

дал Алексею Орлову, что Хитрово предложил всем участникам переворота собраться и умолять императрицу не приводить в исполнение проекта Бестужева и, в случае если императрица от своего намерения не отступится, убить Григория Орлова. Хитрово был арестован и допрошен Алексеем Орловым; говорили даже, что Орлов грубо с ним обошелся. Он не только ничего не отрицал, но даже с гордостью объявил, что первый вонзит шпагу в сердце Орлова и сам готов скорей умереть, чем примириться с унижительным сознанием, что вся революция послужила только к опасному для отечества возвышению Григория Орлова.

– Ни хрена себе, – прошептал Сашков, застегивая куртку.

– А вот о секунд-ротмистре Хитрово куда больше информации. Вот послушай: И вновь вспыхивает заговор, направленный против Орлова, главой которого стал камер-юнкер и секунд-ротмистр конной гвардии Хитрово. Он по неосторожности, поделился своими сообщениями с двоюродным братом Ржевским, рассказав, что им привлечены еще два офицера – Михаил Ласунский и Александр Рославлев, совсем недавно возведшие Екатерину на престол. Он рассказал Ржевскому, что все они будут умолять государыню отказаться от брака с Орловым, а если она не согласится, то убьют всех братьев Орловых. Перепуганный Ржевский передал все Алексею Орлову, и Хитрово арестовали. Следствием было установлено, что на жизнь Екатерины заговорщики посягать не намеривались, а ограничивались лишь устранением братьев Орловых. Исходя из этого, императрица ограничилась тем, что Хитрово был сослан в свое имение, в селе Троицкое Орловского уезда...

– Тут кроется какая-то загадка, – проговорил Александр, – думаю, нам с тобой стоит ее решить. Ну, – он взглянул на Меншикова, – я готов.

Вышли на улицу. Солнце уже поднялось над городом и пыталось согреть, начавшую промерзать, холодную землю. Они прошли к «Газели». Федор разогрел двигатель и уже через десять минут они мчались по Советскому проспекту. Проскочить на зеленый не удалось, отчего пришлось немного постоять у здания филармонического собрания, на котором часы как раз в это мгновение отбили одиннадцать ударов. Промчались мимо дома с аркой и свернули на уже знакомый проспект в сторону реки, туда, где можно было совершить поворот.

– Вон оно ателье, – проговорил Александр, показывая на противоположную сторону дороги, где за трамвайными путями виделась вывеска, – можно сейчас заказать, а потом совершить скачек в будущее к моменту выполнения заказа. Потом вернуться в это время и подготовленными ехать в Санкт-Петербург.

Меньшиков и сам рассчитывал так поступить, и сейчас даже был рад, что его приятель предложил эту идею. Не хотелось, чтобы тот не проявлял себя в путешествии. Все же одна голова хорошо, а две лучше. У самого моста, реконструированного совершенно недавно, он развернул машину, выехав на встречную полосу. Тут же свернул на небольшую улицу, шедшую параллельно реке и вскоре въехал во двор, где находилось ателье. Остановил машину.

– Ну, пошли, – проговорил Федор. – Не могут же они нас заказ без размеров сделать.

– Пошли, – сказал Сашков и выбрался вслед за Меншиковым из машины.

Проторчали в ателье около часа. Пока распечатывали эскизы, пока обмеряли. Наконец договорившись о сроке исполнения заказа, покинули салон. Уже в автомобиле, опускаясь на сидение, Меншиков проговорил:

– Все готово, заказал, ну, и морока скажу тебе. Наш заказ для них самый необычный за последнее время. Будем надеяться, что у них все получится, и через две недели мы заберем готовые, а не ограничимся только примеркой. Хорошо, что они еще и шляпами занимаются, а то я просто представить не могу, где бы мы с тобой отыскивали треуголки той эпохи. Будем выглядеть, как дворяне, приехавшие из провинции.

– А как быть с оружием?

– С оружием, – прошептал Федор и задумался. – Без оружия в восемнадцатый век не сунешься, – проговорил озадаченно он, – хотя, можно заказать в какой-нибудь фирме работающей с металлом, не забывай Санек, что Череповец – город металлургов. Неужели здесь не найдется умельца способного выковать пару шпаг. Если они будут уж такие плохие, то при первой возможности добудем их в прошлом. Жаль, что вот денег с собой не взяли, кто знал, что проклятье было в восемнадцатом. Ну, а с пистолетами, тут проще. Вылезай из машины.

Сашков вылез из кабины. Меншиков нагнул кресло. Под ним был небольшой металлический ящик. Федор открыл крышку, и Александр увидел на дне, среди различных вещей, два пистолета более раннего периода.

– Я их прихватил во Франции, когда французские «протестанты» штурмовали русскую крепость Ла-Рошель. – Увидев удивленный взгляд, проговорил Меншиков, – эх, вот шпаг не взял, сейчас даже жалею об этом.

После этих слов он захлопнул крышку ящичка и вернул кресло в первоначальное положение, показав рукой, что Сашков может сесть. После чего добавил:

– Ну, Шурик, поехали за шпагами. Ты не думай, что только ты один у нас внимательный. Видишь ли, когда мы ехали сюда, я заметил один магазин, кто знал, что она нам понадобится, тем более он по пути к металлургическому комбинату, – тут он включил мотор, – думаю около комбината, можно будет найти какую-нибудь артель, способную изготовить шпаги.

Вот только уехать, сразу не получилось. Машина ни за что не желала заводиться. Пришлось Меншикову выбраться из кабины и немного повозиться с двигателем. Пока он этим занимался, Сашков немного прогулялся. Забрел в книжный магазин. В одном из отделов отыскал книжки по «Новой хронологии», но покупать их не стал.

Когда вернулся, Меншиков уже сидел в кабине автомобиля. Сашков положил на торпеду «Газели» батарейки и произнес:

– Пригодятся.

Меншиков одобряюще кивнул, вспомнив, что его приятель прихватил мыльницу. Они никогда не делали фотоснимков в прошлом, а в этот раз Александр заявил, что неплохо было бы запечатлеть их путешествие. Убрав батарейки подальше, Федор завел машину и вскоре они выехали из маленького дворика на проспект Победы. Пересекли перекресток, что на карте города обозначался площадью. Только теперь Сашков впервые обратил внимание на зенитку, что была установлена в скверике. Такие ставили в память о защитниках города во время Великой Отечественной Войны.

До знакомой улицы Сталеваров приятели не доехали совсем чуть-чуть. Что-то привлекло внимание Меншикова, тот на перекрестке с улицей Вологодской сделал резкий маневр. Свернув, он остановился у дома, который был построен в так называемом «сталинском» стиле. Здание с четырьмя колоннами, между которыми красовалась вывеска комиссионного магазина.

– Здесь мы с тобой, найдем все необходимое для нашего путешествия, – сказал Федор, заглушая двигатель.

Сашков удивленно на него взглянул. Неужели в комиссионке можно было приобрести сапоги той эпохи или оружие? Проще подобрать в обувном что-нибудь подходящее. Шпаги же вряд ли продаются. Александр частенько, посещая сувенирные лавки, видел японские катаны и старинные рыцарские мечи, от вторых, правда, проку не было.

– Ты не туда смотришь, – проговорил Федор, заметив, что Сашков смотрит на вывеску не того магазинчика. – Там действительно ничего нет, а вон в том, – и он указал на дверь, возле которой красовалась вывеска «Калита», – вполне возможно что-нибудь подходящее и сыщем. Шпаги не обещаю, а вот наличность того периода думаю приобрести сможем. Ну, вылезай.

Они выбрались из машины и поспешили к когда-то парадному подъезду дома. Федька отворил дверь и улыбнулся. Проход в здание был тщательно заделан. Сам магазин находился в подвале, куда вела крутая лестница. Путешественники спустились вниз и оказались в неболь-

шой уютной комнате. Слева вешалка с одеждой из Секонд-хенда, торговля явно антиквариатом не пользовалась таким спросом, на который в свое время рассчитывали хозяева лавки. Справа прилавок. Прямо у входа старенькие сотовые телефоны. Чуть поодаль самовар, пара патефонов, несколько чайников, доставшихся с советского периода истории города, три скульптуры, причем разного размера, на самой большой был накинут шарф с символикой местного хоккейного клуба. Пять картин, различных направлений, старая фото и видеотехника, которая успела устареть, ну, и конечно антикварные монеты различного периода.

– У вас есть российские монеты тысяча семьсот сорокового – тысяча семьсот шестьдесят второго года? – спросил Меншиков продавца, который смотрел на стареньком черно-белом телевизоре какой-то американский боевик.

Паренек оторвался от занятия, удивленно взглянул на Федора и спросил:

– Хотите продать?

– Наоборот, желал бы приобрести.

Паренек пожал плечами, словно не понимая покупателя. Зачем, дескать, тому понадобились они. Нехотя встал с кресла качалки и подошел к прилавку. Наклонился, осмотрел «коллекцию» и достал пять монет достоинством в одну копейку, затем пробежался взглядом по другому ряду и вытащил несколько пятикопеечных.

Федор минуты две разглядывал их, потом показал на четыре, причем разного достоинства и произнес:

– Я бы хотел приобрести вот эти.

Из всех монет только эти четыре хорошо сохранились. Немного почистить и медь засверкала бы как новая. А уж о вензеле императрицы Елизаветы и говорить не стоило, он был такой четкий, словно его отбили несколько лет назад.

– Две тысячи, – назвал цену продавец.

Меншиков достал кошелек, отсчитал нужную сумму и расплатился. Затем те, что приобрел, спрятал в карман и спросил:

– А, где у Вас в городе, я мог бы приобрести вот таких вот еще монет.

– У нас в городе все антикварные лавки, торгующие монетами, находятся на одной улице, – проговорил продавец, убирая не подошедшие. Если по этой стороне улицы пойти, то можно обнаружить магазин «Коллекция». Он тоже расположен в подвале, а если на противоположную сторону перейти, то можно попасть в антикварный отдел, что находится на рынке. Может быть там, что-то и обнаружите.

– Спасибо, – проговорил Федор, и приятели покинули магазин.

– Это вам спасибо за покупку, – проговорил вслед удаляющихся покупателей, пожал плечами и вновь погрузился в созерцание фильма.

Дождь начался в тот самый момент, когда они вышли из магазина. Мелкий, противный, осенний. Пришлось пробежаться до машины. Когда забрались внутрь, Сашков тут же включил ноутбук.

Улица, на которой сейчас они находились, была не такой уж и длинной, и напоминала аппендикс. Когда-то она одной из важнейших артерий города, то теперь часть своих функций в какой-то степени утратила. Здесь находилось пять домов. Три были выстроены в едином архитектурном ансамбле, и образовывали с остальными целый микрорайон. Два других из серого кирпича на противоположной стороне, а так же рынок, по всей видимости, когда-то бывший каким-нибудь промышленным предприятием. Уточнять, что было здесь раньше, Сашков не стал. Он сообщил, все, что узнал Меншикову. Думал, что они прогуляются пешочком, но Федор наотрез отказался это делать.

– Зачем идти пешком, – проговорил он, – когда у нас есть колеса.

Проехав немного, Федор остановил машину около рынка. Он предложил Сашкову прогуляться с ним в магазин, но Александр отказался.

– Как хочешь, – молвил старый приятель и скрылся за тяжелыми металлическими дверями здания.

Вернулся он минут через десять, в руках он держал потрепанный кошелек. Он открыл его и продемонстрировал Сашкову его содержимое. Вместе с теми монетами, лежали еще пять монет достоинством в копейку, и бумажная ассигнация выпуска тысяча семьсот семьдесят шестого года, достоинством в пять рублей. На эти купюру, как объяснил Федор, в восемнадцатом веке можно было бы, шикарно прожить полгода, а при желании и выкупить завалящий трактир, а так же приобрести лошадей и шпаги.

– А еще я купил стольник тысяча девятьсот десятого года с портретом Екатерин II, – заявил гордо он.

– Зачем? – удивился Сашков.

– А вдруг ее удастся увидеть. По ней мы хоть будем уверенны, что это она.

Приятель говорить, что это наивность Федору не стал. Ведь портрет Екатерины был более позднего периода, может быть последних лет жизни.

– Вот что подумал, пока ты карту города искал, – проговорил Меншиков. – Мы с тобой совершаем скачек в прошлое этого города. Ну, скажем в тысяча семьсот восьмидесятый год. Сначала рассчитывал просто приобрести в той эпохе шпаги, а не искать кустарей тут, а теперь вот думаю разменять эту ассигнацию на серебряные монеты у монахов. Здесь в свое время монастырь был и несколько сел. Кстати город при Екатерине Великой был основан, в году тысяча семьсот семьдесят седьмом. Три семерки, магическое число, – Федька подмигнул. – Город, в котором всегда живет удача. Но сейчас не это главное, а то, что по известным местным хроникам считается, что именно Екатерина самолично нарисовала на бумаге план будущего мегаполиса. А сейчас давай мы место с тобой поищем, откуда можно было бы совершить скачек на «Газели» прямо за костюмами, и где исчезновение и появление автомобиля было бы меньше всего заметно.

Такое место нашлось недалеко от рынка, на пустыре возле замороженной стройки.

Осень 201.. года. Череповец. Несколькоими днями позже.

В этот раз перемещение во времени совершилось вместе с «Газелью».

На улице, через две недели после покупки монет, шел вновь холодный осенний дождь. На деревьях теперь уже было мало листвы, и в воздухе веяло приближающейся с севера зимой. Правда, все это был лишь осязательный обман, Мороз воевода все еще тянул с вступлением в свои законные права.

Меншиков завел машину, и они поехали к ателье.

Сейчас, когда возникла угроза утреннего гололеда, несмотря на все усилия коммунальных служб, количество транспорта в городе немного уменьшилось. Часть автомобилистов спрятала своих железных мустангов в гаражи, где они должны были пережить зиму, и часть весны.

Путешественники во времени промчались по проспекту Победы, заехали во двор ателье. Федор взял чемоданы и сходил в ателье. Сразу же вернулся.

– Санька, – проговорил он, – нужно померить костюмчик. Мастер сказала, что так они смогут его быстро подогнать. Там работы то осталось на несколько минут.

Нехотя Сашков выбрался из автомобиля. Проследовал за Меншиковым. Ну, а потом началась примерка, подгонка и вновь примерка. Белоснежная сорочка, брюки до колен, чулки под старину, камзол и кафтан. Все это сидело на приятелях комфортно. Женщина-мастер принесла две треуголки, а затем и ботфорты. Оказалось, что треуголки входили в заказ, и ателье уже само договорилось с мастерской по изготовлению шляп. Нужно было немного доплатить. Меншиков достал деньги из кошелька и тут же поинтересовался, а нельзя ли приобрести бот-

форты. За определенную плату оказалось можно. Уже в полном облачении Федор предложил сфотографироваться. Он достал из сумки камеру и сделал несколько снимков Сашкова. Один из них распечатали и в качестве благодарности подарили ателье. Лишняя реклама, как считал Меншиков, тем явно не помешает. Вряд ли кто из присутствующих, решит, что на фото путешественники во времени.

Переоделись в современную одежду, а эту сложили в чемодан. Попрощались и вышли. Уже забираясь в машину, Меншиков вдруг проговорил:

– Они прекрасно выполнили наш заказ.

Он завел двигатель и добавил:

– А теперь давай в прошлое, тем более место для перехода мы с тобой знаем.

Осень 201.. года. Череповец.

Но прежде чем совершать переход в восемнадцатый век, совершили скачок в тот день, когда покупали монеты. Приехали на пустырь переместились, и Сашков подумал уже, что сейчас вот Меншиков предложит ехать к Соборной горке, туда, где они уже раз перемещались в прошлое, но Федор предложил немного вздремнуть, прямо тут на пустыре.

– Ты, как хочешь, – молвил он, – а я немного устал.

Проснулись они от голода, через два часа. Очень хотелось есть.

– Поехали, перекусим, – предложил Сашков.

Пообедали в кафе с историческим и географическим названием «Колизей», что находилось на углу улицы Ленина и Советского проспекта, как раз напротив памятника городскому голове.

– Милютин Иван Андреевич, – прочитал Александр в ноутбуке, пока Федор разглядывал фигуру человека, державшего за спиной трость. – Человек, преобразовавший в свое время город из неизвестного провинциального в Северные Афины. При нем знаешь, сколько тут было учебных заведений?

Федору это было не интересно. Он надеялся, что это будет последнее их путешествие в Череповец. Сейчас они совершат сначала прыжок в прошлое, затем вернуться, а уж потом покинут этот город насовсем.

Перекусили, если так можно было бы назвать обед, заказанный в кафе, которое по своей структуре напоминало, скорее всего, ресторан. Затем поехали к Соборной горке.

Вытащили агрегат из «Газели», спрятали в кустах.

– А теперь переодеваемся, – проговорил Федор, открывая чемодан.

Сашков достал из кожаного чемодана мундир бордового цвета, с позолоченными пуговицами. Камзол темно-зеленого цвета, с золотым позументом по полю и краям карманов. Бордовые панталоны до колен, шерстяные чулки, сапоги с длинными голенищами, белый галстук и такую же белую рубашу с манжетами. Шляпу, обшитую золотым галуном. Федор порывлся в машине и обнаружил старые белые парики, припрятанные еще когда-то Путятиным. Мишка мечтал, что после ледового побоища, они отправятся во времена барона Иеронима фон Мюнхгаузена, чтобы лично послушать его престранные истории. Вот только ничего не вышло. После того, как Меншиков отправил приятеля в эпоху Петра Первого, вещи он отнес в дом, а про парики напрочь забыл. Теперь вот вспомнил.

У Меншикова комплект одежды был других цветов. Темно-синий мундир и панталоны, желтый камзол, черный галстук.

Переоделись. Федор достал пистолеты. Они залезли в Машину времени, и переход был совершен.

V

«Всемилоостивейше повелеваем в Новгородском наместничестве на устье реки Суды, впадающей в Шексну, учредить при Череповецком монастыре для пользы водяной коммуникации город под наименованием город Череповец, и при возобновлении выборов в оном наместничестве в начале будущего 1780 года приписать к сему новому городу уезд и учредить в нем судебные места, а между тем представить нам план, как оному городу быть надлежит».

Указ Екатерины II от 4 ноября 1777 года.

Лето 1780 года. Череповец.

Историческим предшественником Череповца стал Воскресенский монастырь, который согласно традиционной истории был основан в конце четырнадцатого века преподобными иноками Феодосием и Афанасием по прозвищу Железный посох. Подобно всем северным монастырям вскоре он обзавелся землями, селами и деревнями. А у самых стен возникло с годами торговое село Федосьево, в последствие ставшее основой будущего города, сначала купеческого и лишь только потом, уже при Советской власти, индустриального. Как сообщалось в местных летописях, в конце тысяча семьсот семьдесят седьмого года по указу Екатерины II, для пользы водной коммуникации, было присвоен этом поселению статус города. Федька прекрасно знал, что в том году, куда они направились, уже открылись уездные и городские присутственные места как магистрат, суд и городническое правление. А через два года сама императрица должна была утвердить план регулярной застройки.

Меншиков прекрасно помнил, что во время правления Павла I город мог исчезнуть из истории страны окончательно и бесповоротно. Почти на шесть лет, он был упразднен, и лишь после смерти государя в начале девятнадцатого века городу вновь вернули его прежний статус.

Летним днем, когда над Череповцом прозвучал зычный голос колокола, призывавший прихожан к обедне, со стороны берега реки Шексны, у самых монастырских стен с деревянными башнями, нависавшими над протоптанной монахами тропинкой, медленно и неспешно, озираясь по сторонам, шли два молодых дворянина. Мужичок средних лет в белой рубашке с красной узорчатой каймой, вот уже минут пять наблюдал за этими двумя, пытаясь понять, отчего те шли со стороны рва и вала, отделявших город от помещичьих земель села Никольского. Обычно путешественники прибывали в город с севера или юга, а не как уж ни с запада, где хозяйничал Семен Георгиевич Буженина. Помещик лютый и не терпевший на своих землях посторонних. По отсутствию шпага, что обычно болтались на поясе у дворян, можно было сделать вывод, что те все-таки были у помещика в гостях, и скорее всего, проигрались тому в карты.

– Откуда будете, господа добрые? – полюбопытствовал он, когда те приблизились к нему.

– Архитекторы мы, – проговорил Федор, – прибыли из самого Санкт-Петербурга. Присланы для изучения местности, с целью составления будущей карты города. Императрица желает, чтобы новые города не уступали в своей красоте столице, и не позорили бы Российскую империю в глазах дикой Европы.

Мужичок улыбнулся, взглянул на толпу, что собралась у монастырских ворот, и произнес, прищуриваясь:

– Мудрены речи твои, боярин. Откуда мне деревенщине не отесанному вас понять. А шпаги ваши где? Уж не уж-то их Никольскому помещику в карты проиграли?

– Если бы, – проговорил Сашков: – Шпаги нами были утрачены в схватке с разбойниками несколько дней назад. А в картишки у нас никто не выигрывал.

– Да, шалят разбойнички, шалят, – вновь вздохнул мужик и погладил свою покладистую черную бороду. – А что, правда, никто не выигрывал?

– Хочешь сыграть? – Полюбопытствовал тут же Меншиков.

– Да нет. Вот если бы вы одного местного помещика обыграли...

– Увы, – проговорил Федор, – но мы сюда не играть пришли. Срок нам дали всего несколько дней. Велено составить план, а затем отплыть на лодке, что стоит чуть ниже по течению. Нужно доставить в Московское картографическое общество, а уж оттуда самой государыне.

Сашков взглянул на товарища. Он не предполагал, что Федька умеет так складно врать.

– Не подскажешь ли любезнейший, – обратился к крестьянину Александр, – где бы мы тут в вашем городе могли бы новые шпаги приобрести?

– Отчего не подсказать у кузнеца.

– Ясно, что у кузнеца, ну не у плотника же, – пошутил Федор, но мужик его не расслышал и сказал:

– Так я местный кузнец и есть, – и он вновь погладил свою бороду, – только за каждую шпагу я беру пять копеек серебром.

Федор протянул руку к кошельку, висевшему у него на поясе, и извлек оттуда трех рублевую купюру.

– Э нет господа, я бумагу не беру, – произнес кузнец и замахал руками, – мне серебро подавай, или медь на худой конец, но не бумагу. Вы ее монахам отнесите те возьмут. А что может вам стоит поменять ее у них на серебро или медь. Давайте я провожу вас к отцу настоятелю.

Перекрестившись, они миновали монастырские ворота и вошли во двор храма. Сашков тут же снял с головы треуголку. Меншиков заметив это, тут же поступил аналогично. Приятели тут же оглядели монастырский двор, который усиленно подметали два инок, облаченные в черные рясы. У ворот самого большого храма толпилась пестрая толпа прихожан в ожидании, когда их пустят внутрь на службу. В основном это были крестьяне из местных деревень, хотя в толпе Федор разглядел несколько дворянок и парочку купцов. Около трех зданий стояли две кареты.

– Магистрат, суд и городское правление, – пояснил кузнец, заметив, куда смотрит Меншиков. – Но нам не туда, а сюда, – и он указал на небольшую дверцу, что находилась с боку, от основного входа, в собор.

Мужичок вновь перекрестился и направился к двери. За ним еле поспешая, рванули приятели. У дверей остановились, кузнец подергал ручку и понял, что та закрыта. Развернулся в сторону монастырской стены, где теперь находились кельи иноков, и которая согласно историческим хроникам, даже один раз была подвержена нашествию поляков.

– Ошибся малость, – проговорил он. – Не иначе батюшка все еще в келье.

Они вновь пересекли дверь и оказались у небольшой дверцы. Кузнец снял шапку и постучал, и лишь только потом вошел внутрь.

– Отче, – донеслось из-за двери до приятелей, – к тебе тут два дворянина, аж из самого столярного града, от самой государыни Екатерины Великой.

– Пусть заходят, Емельян, пусть заходят, – раздался басистый голос.

Кузнец тут же выскользнул из кельи и произнес:

– Отче ждет вас, господа. А я уж вас тут обожду.

Приятели вошли в келью, где жил настоятель прихода. Комод, стоявший в углу, заставленный подсвечниками, стол и кровать, да еще несколько икон в красном углу – вот и все убранство его помещения.

За массивным дубовым столом, крышка которого состояла из одной доски, боком сидел, облокотившись, батюшка. Его седая борода покоилась на огромном животе.

– И с чего это скромный батюшка понадобился государыне? – Спросил монах и взглянул грозно на дворян. – И так матушка-императрица своим указом угождая у монастыря забрала. Пошла на поводу местных купчишек.

– Посланы мы не к тебе святой отец, – проговорил Федор, – Послали нас к вам Ее величество с целью создания топографической карты города, – соврал он, – ведь прошло уже два года, как государыня повелела создать при вашем приходе город.

– Так и создаем потихонечку. Вот и здания под городские управы выделил. А вам-то чем я могу помочь, отроки?

– Видите ли, отче, – продолжал Меншиков, – мы хотели бы обменять ассигнацию, выданную императрицей на металлические деньги. Можно на мелкие серебряные, или даже медные.

– Эвон как, – усмехнулся настоятель, – а у вас я погляжу, господа, губа не дура. Да ведь ваша бумажка цены-то как таковой не имеет. А ну, покажите что там у вас.

Меншиков открыл кошелек и вытащил пятирублевку. Протянул святому отцу. Тот повертел в руках, внимательно осмотрел, словно на ней были водяные знаки и защитные полосы. Даже понюхал.

– Повезло вам, господа, – проговорил он. – Мне завтра обоз с налогом на десятину нужно в столицу отправлять, так пусть уж серебро и медь в приходе останутся, а эта бумага пускай обратно к казначеям возвращается. Вот только у меня условие, отроки, я вам за нее только два с половиной рубля дам.

Меншиков недовольно посмотрел на батюшку, но тот проговорил:

– Ну, если не желаете, то и менять не буду. Это ведь вам нужно, а не мне.

Хитрил священник, ох хитрил.

– Бог с этим, ваше преподобие, – улыбнулся Федор, – что ж мы, не понимаем что ли.

Архиерей встал, и, переваливаясь, подошел к комоду. Открыл верхний ящик и положил туда бумажную монету. Взамен вытащил один из кожаных кошель. Высыпал содержимое на крышку комода, между двух свечек, и отсчитал ровно пять рублей. Остальные монеты высыпал в кошель и спрятал в ящик. Разделил оставшиеся монеты пополам. Одну горсть, отодвинув подальше, а вторую собрал в кулак и подошел к столу. Разжал пальцы и те со звоном посыпались на дубовую столешницу. Парочка покатились, но Меншиков успел остановить их, накрыв ладонью.

– Спасибо, отче, – проговорил он, сгребая монеты в кошель.

Старик вытянул руку, и Федьке пришлось поцеловать ее в качестве благодарности. Потом как-то Меншиков признался, что ему это не понравилось.

– А теперь ступайте, дети мой, – проговорил монах. – Аудиенция закончилось и мне пора идти творить мессу.

Приятели поспешили к двери. Меншиков на мгновение задержался и еще раз отвесил батюшке поклон. На улице их ждал кузнец Емельян. Он явно не собирался уходить без них. Радоваться этому или огорчаться приятели не знали.

– Ну, как? – спросил взволнованно он.

– Все в порядке. Я надеюсь, ты выкуешь нам шпаги? – полюбопытствовал Федор и протянул пару монет, достоинством в пятак.

– Это само собой, – улыбнулся мужичок. Тут же запихнул в карман брюк. А насчет своей работы вы с местным воеводой потолкуйте. Городничий у нас головастый может, что и подскажет, да и поможет в этом ответственном деле. Ему лучше всех ведомо, где земля лучше, где хуже. Где подтапливает изредка, а где топи да болота. Не человек, а голова.

– Мы, так и сделаем, – проговорил Федька, и направился было в сторону Магистрата, но мужичок, схватив его за рукав, проговорил:

– Только он давеча уехал к себе домой трапезничать.

– Ага, трапезничать, – проговорил Сашков, – да где мы теперь его дом-то сыщем. Ты-то чай занят.

– Занят, – согласился кузнец, – но проводить провожу. Он ведь тут рядышком живет. Если подняться на колокольню, то можно его дом разглядеть.

– Некогда нам по колокольням ползать, – молвил Федор.

Они вышли из ворот и кузнец вдруг остановившись, добавил:

– Так вон же его двухэтажный особняк, – и он указал в сторону дома, что стоял по другую сторону огромной поляны, на которой в будущем, как помнили приятели, будет площадь Жертв Революции. – Я вас до него мигом доведу.

Теперь приятели и сами без посторонней помощи нашли бы дорогу, но видя, с каким рвением, кузнец рвется им помочь, решили прибегнуть к услугам Емели. Глядишь, и расщедрятся дворяне, да копейку другую подкинут.

– Ну, ты и шустер, брат, – проговорил, улыбаясь, Федя.

На небольшой возвышенности, обнесенный металлической кованой оградой, явно сделанной местными умельцами, приятели не удивились, если бы Емельян заявил, что это его работа, вздымался над округой двухэтажный дом с мезонином. Низ здания был каменный с большими окнами, а верх деревянный, окрашенный в желтоватый цвет. Над наспех отштукатуренным крыльцом был криво приколочен герб недавно образованного города. Сашков тут же прикинул, сколько людей сейчас могло тут проживать. Скорее всего, решил он, меньше тысячи. А между тем Емельян ни чего не говорил, Федор не выдержал и поинтересовался:

– Твоя работа? – коснулся рукой металлических прутьев ворот.

– Моя! – Гордо проговорил кузнец, смущаясь.

– А что не хвастаешься?

– Так нечем хвастаться-то.

– Надеюсь, что шпаги куешь, столь же искусно.

– Пока никто не обижался, господин.

– Вот я и не хотел быть первым, кто обидится. Да и мой приятель тоже. Ты ведь сам понимаешь, что без хорошей шпаги дворянин и не дворянин. Тем более времена ныне сам знаешь какие.

– Великая Тартария вновь ошетичилась и смотрит в нашу сторону, – проговорил кузнец.

– Так я об этом и толкую. Разгневаем императрицу, и сошлет она нас с товарищем на войну. А без оружия, какие мы к черту воины...

– Ты уж не сумлевайся боярин, – заулыбался кузнец, – через два дня можешь спокойно заходить за шпагами. Я их делаю не хуже аглицких.

– Ну, ты брат и уморил, – рассмеялся Сашков, – я, конечно, верю тебе, что не хуже аглицких шпаг. – Тут он замолчал, вытер слезы, выступившие от смеха из глаз, и продолжил. – Но как же мы тебя найдем, сам понимаешь, люди не местные и не знаем где твой дом.

– А чего знать, меня, поди, каждая собака в округе знает. Только спроси любого встречного: где, мол, кузнец Емельян живет? Так тебе не то, что скажут, а и покажут, а то и доведут.

– А, что раньше смастерить никак? – спросил Федька и полез в кошель.

– Можно и раньше, – согласился Емельян, когда к нему в руку лег еще один пятак.

Проговорил, поклонился и ушел.

– А знаешь, а мне казалось, – проговорил Сашков, – что в одной книге я читал, будто монастырь был закрыт шестнадцать лет назад.

– Ну, то, что мы с тобой видели трудно уже назвать монастырем. Иноков, как я заметил раз-два и обчелся. А настоятель при любом храме есть. Так что в этом ничего нет удивительного. Просто местные жители обитель по-прежнему именуют не иначе как монастырем.

Приятели, проводили взглядом кузнеца, и, открыв ворота, вошли во двор усадьбы градоначальника.

Усадьба воеводы оказалась не такой уж большой, как вначале показалась путешественникам. Дом с мезонином, конюшня, из-за дверей которой доносилось ржание коней. Колодец, над которым висело деревянное ведро, уже почерневшее от сырости. Перед колодцем в образовавшейся от времени яме скопилась вода, образовав небольшую лужу. Огород, который был разбит здесь, скорее всего, на потеху жене, чем из-за какой-то другой необходимости. У ворот карета, оси которой маленькой кисточкой смазывает мужичок в европейском кафтане с туеском в левой руке, в котором, скорее всего, масло.

Не успели приятели и пару шагов сделать, как на крыльце возник собственной персоной воевода. Дюжий мужик лет так приблизительно сорока пяти, высокого роста, в зеленом мундире из дорогого сукну с позолоченными пуговицами и красными лацканами. Мундир на нем распахнут, отчего виден алый камзол, с большим количеством пуговиц – застегнутых как у заправского военного, и с двумя рядами галунов: одного узкого и одного широкого. Темно-зеленые штаны, заправленные в сапоги с высокими голенищами и каблуками. На толстой шее у него парадный красный галстук с белой обшивкой. На голове парик-коса – «Аля будера» (крысиный хвост), за неимением видимо своих волос. В руках он держит трость и шляпу.

– Кто такие? – Вопросил он.

– Меншиков Федор Алексеевич, – представился Федор, своим настоящим именем, делая поклон, – мой приятель и коллега Буйносов Александр Георгиевич. Архитекторы из Санкт-Петербурга. По именному распоряжению государыни Императрицы. С кем имеем честь разговаривать?

– Князь Нарышкин Семен Иванович, градоначальник города Череповца, – проговорил тот, увидев дворян, причем ударение в названии города он сделал на второй слог.

Тем временем Меншиков запустил руку в карман камзола и извлек бумагу, написанную наспех в кабине «Газели» перед самым прыжком. И протянул эту подделку, выполненную по копиям приказов Екатерины II, градоначальнику.

Тот покрутил ее перед глазами, и, не вдавливаясь в ее недостатки, молвил:

– А, Вы, Федор Алексеевич, кем приходитесь Александру Даниловичу?

– Однофамилец, – буркнул Федор, понимая, что афишировать свое родство с прашуром, фаворитом Петра Первого, в данное время не желательно. Хотя когда был жив Алексашка, градоначальник еще делал первые шаги, да за подол мамки держался, – а, Вы, Семен Иванович кем приходитесь Нарышкиным? Тоже однофамилец?

– О нет, Федор Алексеевич, о нет. Я являюсь пра-пра-правнуком брата Натальи Кирилловны Нарышкиной – матушки Петра Великого. Вот божьей милостью прозябаю в этом богом забытом уголке.

Градоначальник вздохнул, явно было видно, что должностью он был не доволен. Нарышкин с удовольствием покинул бы и этот город, и эти места, только лишь бы оказался в Санкт-Петербурге. Но пока об этом оставалось только мечтать, и всему виной было то, что один из его братьев разгневал императрицу-матушку.

– Вот уже пятнадцать лет я в этой местности, – проговорил Нарышкин с грустью в голосе, – сначала в Устюжне верховодил, а теперь вот здесь. Почитай второй год. Как указ об образовании города был Екатериной подписан, так меня сюда и сослали.

Он повертел бумагу, сунутую ему Меншиковым, посмотрел еще раз и вернул ее Федору.

– А может вы сейчас со мной, – предложил он, – я собирался сделать объезд «города», – здесь он слово город произнес с явным пренебрежением, – а заодно и вам покажу, ну, – тут он

замаялся, подбирая слова, – ну, чтобы легче план города было бы... э... состряпать. Да заодно и квартирку, где вы могли бы остановиться присмотреть. Кстати, а надолго вы в наши края?

– Дня на два, – подумав, проговорил Александр, – мы вот с Федором решили, что за это время успеем сделать наброски. Остановиться бы хотели у кузнеца Емельяна, тем более у нас дело к нему.

– Какое дело? – насторожился князь Нарышкин. Чувствовалось, что во всем тот искал подвох. Неспроста прислала к нему Екатерина сих отроков. Ох, неспроста. Видно считает, что не достоин он этой должности. Как бы еще дальше не отправила. Куда-нибудь на границу с Великой Тартарией. Худшей ссылки и придумать нельзя.

– Да мы у него шпаги заказали, – проговорил Федор, – наши сломались в схватке с разбойниками. А на счет поездки по городу, это хорошая мысль. Никто не покажет нам местность лучше, чем его «Городской голова».

Эти слова «Городской голова», сразу же расположили приятелей к Нарышкину. Чувствовалось, что тот обожал лесть.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся князь, – «Городской голова», занятно, занятно. Насчет Емельяна, он для меня кое-что должен, и думаю, в моей просьбе не откажет. А сейчас поехали, там, в дороге и поговорим.

Пока разговаривали, кучер успел привести из конюшни двух пегих лошадок и запрячь в карету. И вот теперь белая карета с родовым гербом дома Нарышкиных, стояла приготовленная к поездке. Кучер, парнишка лет восемнадцати, при виде приближающегося князь и его компаньонов, тот самый, что смазывал оси, резво спрыгнул с кучерского облучка и открыл дверь.

Сначала градоначальник, а за ним Меншиков с Сашковым забрались в карету. Кучер крикнул:

– Но! – и они поехали.

В середине восемнадцатого века, как отметили приятели, города как такового еще и не было. Несколько улочек да главная дорога, тянувшаяся от монастырских стен напрямик на север. Из каменных строений только бывшие монастырские постройки да дом градоначальника, все остальное аккуратные однотипных одно-двухэтажные избы, в большей массе своей покосившиеся. Идеальный русский «городской» пейзаж восемнадцатого века, без булыжных мостовых, керосиновых ламп и прочих фонарей. Это только в Москве да в Санкт-Петербурге по указу Анны Иоанновны улицы ночью освещаются.

Карета миновал уже знакомую приятелям цветочную поляну, проехала мимо ворот монастыря и свернула на широкую дорогу, в которой приятели опознали будущий сначала Воскресенский, а уже потом и Советский проспект.

– Не Санкт-Петербург, – вздохнул князь, – и не Москва. Хотя, он сам по себе городок спокойный, – продолжал он, заметив, как внимательно дворяне рассматривали местные пейзажи, – да и как ему быть «шабутным», если жизнь здесь затихает с наступлением темноты.

Сейчас у обоих путешественников появилась возможность вновь оказаться в тех местах, где в начале двадцатого века жил Хитров Тихон. Да надо было так случиться, что карета князя ехала уже привычным маршрутом. Вот они свернули на повороте и позади них, осталась строящаяся, правда пока, деревянная церквушка Филиппа Ирапского, так же известного под именем Феофила. Миновали то место, где в будущем появится улица Пролетарская, и Меншиков понял, что они едут к реке. А справа, где будет стоять дом Хитрова, сейчас росли деревья.

– Вот именно в этом месте, я мечтаю, чтобы селились дворяне, – проговорил Нарышкин, – уж больно здесь хорошо. Речка Ягорба близко, а главное, – он замолчал и как артист взял паузу, – тут есть часовенка с источником. Вода, в источнике такая чистая и прозрачная, а главное очень вкусная. К тому же поднимает дух.

Роща, в которую они сейчас въехали, тянулась до самой речки. Сквозь зеленую листву лип и берез виднелась маленькая каменная часовенка. Несколько нищих в тогах из мешковины сидели на земле у ворот забора, окружавшего храм. У всех у них в ногах лежали старые потрепанные треуголки. Меншиков не сомневался, что когда-то это были воины Петра Великого, но градоначальник, увидев его взгляд, пояснил, вздыхая:

– «Дети» Анны Иоанны, жертвы «Слова и дела»...

Князь замолчал, высунулся из кареты и взмахом руки приказал кучеру остановиться. Тот выполнил сразу же приказ Нарышкина, спрыгнул с облучка и открыл для сиятельного дверь.

– Вы как хотите, а я пройдуся, – проговорил князь, вылезая из кареты.

Легкой кавалерийской походкой Семен Иванович направился к церквушке. Нищие тут же окружили его, и он был вынужден остановиться. Пришлось князю залезть в кошель и достать несколько монет. Со звоном те падали в треуголки, и Сашков заметил, как расплываются в улыбках лица. Нищие начали креститься, и до приятелей долетели их голоса:

– Спасибо тебе воевода-батюшка, счастья тебе и многих лет.

В разнбой, разной громкости, но князь Нарышкин уже не слышал их слов. Он снял треуголку и, перекрестившись, вошел в часовенку. Трудно было понять, сколько его там не было, но вскоре он вернулся, неся маленькую из зеленого стекла бутылку.

Кучер отворил ему дверь, и князь забрался внутрь. Пихнул бутылку в карман и сказал слуге, что уже сидел на облучке:

– Поехали.

Глухой щелчок плетки раздался в воздухе. Карета сперва дернулась, что Сашков с Меншиковым чуть не ударились головой об стенку, а затем медленно покатила дальше по сельским улочкам. За окном мелькали заборы. Ветки яблонь, так и старались попасть внутрь.

– Когда-нибудь город будет такой же красивый, как и наша столица, – вздохнул Нарышкин.

Дальше ехали молча. Князь сидел, о чем-то задумавшись, Сашков разглядывал пейзажи, а Федор задремал. Разбудил его Нарышкин.

– Сейчас я вам тюрьму покажу, – проговорил вдруг он, когда они вновь выехали на проспект.

Приятели переглянулись, а князь между тем продолжал:

– По указанию ее Величества строим.

Князь вновь замолчал, проговорил он только тогда, когда карета въехала в небольшой лесок, разделяющий два бывших села. Когда они его миновали, то увидели, как на въезде в другую часть города, высился небольшой деревянный храм.

– Я мечтаю, – проговорил Нарышкин, – что когда-нибудь вместо этой деревянной церквушки тут будет стоять настоящий каменный собор, своей красотой затмевая все старые храмы.

– А теперь господа, – произнес Нарышкин, когда карета, сделав круг по город, остановилась у особняка градоначальника, – прошу ко мне. Познакомьтесь с моей женой и с младшим сыном. Отведаете то, что бог послал, повар наверно стерлядь приготовил. Она господа еще сегодня утром в Шексне плавала. Ну, и водочки откушаете, своего производства водочка-то.

Приятели переглянулись. Оказаться в гостях у самого градоначальника было не зазорно, тем более что с утра во рту маковой росинки не было.

– Мы бы не возражали, – пробормотал Сашков, – но сначала нам бы хотелось найти дом кузнеца Емельяна, – но князь его перебил:

– А что его искать, мой денщик вечером отвезет вас к нему. Бахус господа не ждет.

– А ладно. – Махнул рукой Федор.

На лице воеводы появилась улыбка. В его глазах вспыхнула искра надежды. В голове сразу же возникла мечта о возвращении в Санкт-Петербург, кто знает вдруг господа архитек-

торы, замолвят за него словечко перед государыней, и он со всем своим семейством переедет в Санкт-Петербург, откуда ему когда-то давно пришлось уехать не по своей воле.

Они вошли в дом. Вначале Нарышкин предложил осмотреть его особняк, но потом крикнул горничной:

– Марфа накрывай на стол, да ставь все что есть. Да жену мою с сынишкой позови.

В обыкновенном провинциальном доме они не ожидали застать уголок «Европы». Стены помещений за исключением кладовой и сеней, что были на первом этаже, были оклеены цветастыми обоями. На стенах портреты Нарышкина и, по всей видимости, его супруги. Все голландские печки, даже та, что была в сенях, были покрыты превосходной изразцовой плиткой, с изображениями баталии Петра и Елизаветы Петровны.

– Люблю и уважаю, победы нашего оружия, – проговорил Нарышкин, заметив, как гости разглядывали изразцы.

В «рабочем кабинете» над точной копией трона государей всяя Руси висело военное знамя. В других же комнатах, а их в особняке было с десяток, на стенах висели шпаги и пистолы, а в спальне на полу лежала шкура оскалившегося медведя.

– Убит в прошлом годе, – гордо усмехнулся Нарышкин, – самолично, вот этими руками завалил. Ух, и злой был зверь, чуть меня живота моего не лишил. К счастью для меня, а не для медведя, я был проворнее его.

Закончили осмотр в гостиной, где уже был накрыт стол, который просто ломился от яств. Чего только не было на столе: стерлядь, осетр, икра красная и черная, жареная курица, грибочки соленые, огурчики и еще много чего другого. В краю стола стояла огромная бутылка напоподобие тех, в которых украинцы держат горилку. На дне бутылки плескалась прозрачная жидкость, в которой Меншиков сразу же признал водку, изготовленную по рецепту Нарышкина.

– Пора и Бахуса порадовать, – проговорил Семен Иванович, и показал рукой на стол, – а сейчас, – он замолчал, набрал в легкие воздуха и крикнул, так, что бокалы из хрусталя издали мелодичный звон, – Людмила, иди сюда, поприветствуй гостей, как ни как из самой столицы к нам в Череповец приехали.

В огромную, по меркам города, залу вошла, а вернее вплыла, как лебедь, девушка лет двадцати восьми. Ее пышная юбка и затянутая в корсет талия придавали ей особенную женственность. Губы ее были накрашены, глаза аккуратно подведены, на голове белый парик, который так несвойственно смотрелся бы в будущем.

– Познакомься милая, – проговорил князь, – это князь Федор Меншиков, а это его приятель князь Буйносов Александр. Аж из самой столицы. А это моя супруга – Людмила Мефодьевна.

Девушка сделала реверанс и протянула свою ручку, и оба приятеля припали к ней.

– Любимый, – проговорила она, – да что ж ты гостей не потчуеть. Ты что хочешь, чтобы о городе и о нас плохо подумали. Хочешь, что бы Череповец считался дырой, годной разве что для ссылки сюда неугодных дворян. Ах ты, невоспитанный мужлан.

От этих ее слов Нарышкин даже покраснел.

– Присаживайтесь господа, – продолжала девушка, – не обращайтесь внимания на Сему, он у меня такой бестолковый, сорок лет прожил, а ума так и не нажил. Кушайте гости дорогие, что бог послал. Вы уж водочку отведайте, мой муж ее сам делает, по своему собственному рецепту.

Приятель сели за стол.

Неизвестно почему, но Федор набросился на стерлядь, то ли в будущем она попала в разряд дефицита, то ли был так голоден, что решил начать свою трапезу именно с нее. Потом он плавно переключился на водочку.

– Могу я взглянуть из окна, князь? – вдруг поинтересовался Сашков.

– Да, сударь. – Проговорил Нарышкин. – Должен сразу предупредить, что вид, открывающийся из окна, радует не только глаз, но и душу.

– Хочу, лично убедиться, князь, – проговорил Александр и встал из-за стола.

Он подошел к окну. Впервые путешественник мог разглядеть монастырь и поляну между ним и домом.

– Хороша водочка, – проговорил между тем Меншиков, делая глоток, он уже понял, что она ничем не уступает тому бургундскому, что еще недавно им было оставлено в его времени, – очень хороша. Никогда не пил ничего подобного, – слукавил он.

Его похвалы прервал мальчонка, вбежавший в зал. Ему было лет семь-восемь, на нем был гвардейский мундир, точная копия настоящего, а на боку болталась деревянная сабелька.

– Это мой сын, – проговорил градоначальник, заметив мальчишку, – вот уже как год он в Преображенском полке числится. Уже и звание получил – фурьер. Вы бы знали, – продолжал Нарышкин, – сколько мне серебра пришлось отсыпать, чтобы его в полк зачислили. Но, я не жалею. Зато лет через одиннадцать, он будет офицером.

Путешественников ни сколько не удивили его слова. Они помнили, что в русской армии при Екатерине Великой, записывать младенцев в регулярные войска уже стало нормой. Такими вот недорослями были забиты все русские полки. Вспомнился даже указ Павла I, о том, чтобы все приписанные к частям военные, явились в распоряжение своих частей в течение суток. В полупьяной голове Федьки промелькнуло, как в будущем в один прекрасный день армия недосчиталась не десятки, и даже не сотни, а тысячи солдат.

Малец, запрыгнув на колени родителя, сильно к тому прижался и стал с испугом разглядывать гостей.

– Ну, нам пора, – произнес заплетающимся языком Федор, – нам ведь еще у кузнеца нужно разместиться.

– Верно, – прохрипел Нарышкин, согнал сына, встал и ушел. Вернулся через пару минут. – Это письмо для Емельяна, он один из тех крестьян, кто осилил в свое время грамоту. Яшка, – прокричал князь, – поди, сюда лентяй!

В дверях возник, словно из пустоты мужичок в сером сермяжном кафтане с зелеными обшлагами, из-под которого виднелся такого же цвета камзол, а так же коричневые кожаные штаны. Обут он был сапоги, на шее черный шарф. Волосы, завитые в бучку и покрыты пудрой.

– Это мой денщик, – сказал князь, пошатываясь, – он вас доставит к кузнецу. Яшка-друг... Ик... доставь господ дворян на двор кузнеца Емельяна.

Денщик щелкнул каблуками, как заправский немец из «Семнадцати мгновений весны», и знаком приказал следовать за собой.

Утром, когда солнечные лучи скользнули в полутемное помещение дома, Меншиков проснулся. Голова сильно болела.

– Перепил, – проговорил он и осмотрелся.

Он лежал на огромной белой печи. Рядом похрапывал Сашков.

– Ну, вы и напились, – раздался откуда-то снизу голос.

Меншиков повернулся на живот. Внизу у печки в льняной рубаше, обшитой вышивкой, стоял Емельян. В руках он держал ковш, который сразу же протянул Федору.

– Попей боярин, – пробормотал он, – полегчает. После княжеской водочки, ой как голова побаливает. Он когда ограду для особняка заказывал, бутылочку притащил. Эх, и вспоминать не охота, если бы ни огуречный рассол... Думал, что умру.

Кузнец вздохнул, и Федька сразу же понял, что Емельяну его чувства знакомы. Он взял двумя руками ковш и отхлебнул. Стало хорошо, пропала куда-то головная боль.

– Шпаги ваши готовы, – проговорил кузнец, – вот всю ночь работал, никак не мог уснуть. Можете забирать.

– Слышь, Емельян, – проговорил Федор, – я смотрю ты отменный мастер. Скажи мне приятель, а где ты материал свой берешь, я железо имею в виду?

– Э боярин, хоть что спрашивай, а секрет я тебе не скажу.

– Да ладно тебе Емельян, я ж пошутил.

– Пошутил?

– Пошутил.

– Ну, раз пошутил, то буди своего приятеля, я уж поесть вам приготовил.

Сашков проснулся сразу же, как только Федор тихонечко стащил с него покрывало. Открыл глаза и произнес:

– О-о-о-о-о...

– Сашка, ты же вроде вчера мало пил.

– А водке все равно мало или много, – проговорил Емельян, – она у князя такая. Выпьешь ведро, голова болит, чарку выпьешь – все равно болит.

Приятеля спрыгнули с печи. В костюмах, видно кузнец побоялся их раздевать, вот только сапоги стянул, да парики на лавку положил.

– Ну, осмотрели город, – спросил Емеля, когда те сели за стол.

– Осмотрели, – проговорил Федор, вынимая репу из котелка, – сегодня обратно в Санкт-Петербург, с отчетом.

Емельян, покачал головой.

– А я думал, на рыбалку вас сводить, – проговорил он и вышел из горницы.

Вернулся, неся в руках две шпаги.

– Вот забирайте.

Александр взял шпагу в руку и помахал ей в воздухе. Изящно сделанная шпага, словно ничего не весила, и теперь даже складывалось такое впечатление, что клинок стал продолжением руки.

– Очень хорошая шпага, – проговорил он.

– Ага, – поддакнул Федька. – Ты, небось, и воеводе шпаги куешь?

– А то. Может, господа потренироваться хотят?

– А, что у тебя и рапиры есть?

– А как им не быть! – ответил кузнец и подмигнул.

Он вновь ушел и вернулся с двумя рапирами.

– Я не собираюсь фехтовать в доме, – проговорил Сашков, пытаясь почувствовать, как хорошо сидит в его руке рапира.

– Согласен, – поддержал его Меншиков.

Втроем они вышли во двор. Солнце уже давно поднялось и с огромным рвением вступило в свои права, согревая Землю теплом.

Приятеля скинули мундиры, повесив их на кол, торчавший около крыльца. Оставшись в камзолах и белоснежных рубашках, встали в позицию, так чтобы солнечные лучи не мешали не одному из них.

Стройный и жилистый Федор Меншиков, при его метре восемьдесят, имел преимущество в росте, перед Сашковым. К тому же он обладал уверенностью и тем опытом, который приобрел за месяц, проведенный в Ла-Рошели.

У Сашкова такого опыта не было, но глаза его порой зажигались огнем, который лихо-радочным румянцем играл на его скулах.

С рапирой в руках Федор, загоревшись таким увлекательным делом, преображался из простого изобретателя в проверенного боями воина. Каждый удар он сопровождал советом или упреком, но стремительность и пыл Александра иногда торжествовали, и Федька получал добрый удар прямо в грудь.

Емельян пожирал глазами поединок, считая удары, наносимые острием рапиры.

Когда же приятели закончили поединок, он сказал:

– Александр попал семь раз, Федор – десять. Но по схватке видно, что господин Меншиков более опытен, чем Буйносов.

– Бой на рапирах дело не легкое, – выпалил Федька, – а, Александр больше любит драться на шпагах, чем на рапирах.

Приятель подошли к колу, сняли с него свои мундиры, и, не надевая, прошли в дом, где сели за заждавшийся стол. Который ломился от яств, что было не удивительно, раз работа кузнеца приносила ему деньги.

– Вы бы грибочков, грибочков попробовали, – проговорил Емельян, пододвигая к дворянам плошку с солеными лисичками.

– Вот я тебя Емельян хочу спросить, – начал Меншиков, зачерпнул деревянной ложкой грибов и поднес ко рту, – а дети-то у тебя где?

– Старшой сын, женился да на восток подался, к Демидовым, а младшенький тот на другом берегу реки поселился, металл для меня варит. А живу я с женой да дочкой. Вы уж чувствуйте себя у меня, как дома. А мне нужно вас покинуть, – неожиданно прервался кузнец, – сами понимаете работа.

Поднялся из-за стола. Снял с вбитого в стену медного гвоздя, кожаный фартук и ушел.

– Ну, что делать будем? – полюбопытствовал Сашков.

– Для начала пообедаем, – проговорил Меншиков, закидывая в рот деревянной ложкой грибочки. – Эх, где тут у него капуста.

Та оказалась на столе рядом с огурчиками. Федька пальчиками прихватил чуть-чуть и закинул в рот.

– Обалдеть, – прошептал он, – Санек, ты попробуй. Это ведь – класс!

Закончив трапезу, вышли во двор. Теперь у приятелей появилась возможность взглянуть на дом. Как и у всех в городе он небольшой. Рядом с ним сарай, баня, а чуть поодаль кузница. Из трубы, над ней валил густой черный дым. Доносился стук молота.

– Пойдем, взглянем, – предложил Федор.

Сашков не возражал. Они подошли к открытым воротам в кузницу и заглянули внутрь. В дальнем углу вовсю работал горн. Молодой парень, явно подмастерье, качал что есть силы меха, стараясь поддерживать горение углей. Второй паренек держал длинными клещами заготовку, поворачивая ее, после каждого удара кувалдой. Емельян молотил на славу, одновременно наблюдая за цветом металла. На всех трое были обнажены по пояс, из одежды на них были кожаные штаны, сапоги и фартук. Когда заготовка начала остывать, он прекратил наносить удары, поставил кувалду на пол, и приказал помощнику бросить ее в горн.

– Вот так, господа, мы и живем, – проговорил он, вытирая вспотевшие руки.

– Мы тут попрощаться пришли, – проговорил неуверенно Федька, – пора нам. Напоследок хотим воеводу еще посетить. Емельян не подскажешь, как до него дойти, ведь мы не помним, как вчера от него к тебе попали.

– Что, верно, то верно, – проговорил кузнец, вытер рукой выступивший пот, – вы вчера оба никакие были, как это еще вас Яшка, денщик воеводский довел. Выйдете из дома и идите на право. На шестом повороте поверните налево и вскоре увидите монастырь, ну, а там сами дом уж найдете.

В это время парнишка выхватил из углей заготовку и положил на наковальню. Емельян ловко подхватил кувалду и начал наносить удар за ударом. Приятель еще минуты две смотрели, как работает кузнец и лишь, потом направились к воротам.

Они шли, как велел кузнец. Иногда останавливались. Сашков несколько раз доставал фотоаппарат и фотографировал. Если бы сейчас кто-то увидел их. Интересно, а что было бы? Меншиков не удержался и уговорил того сделать фотографию и монастыря и усадьбы князя

Нарышкина, понимая что в будущем дома градоначальника этого периода истории города просто не останется.

Рассчитывали добраться до машины за час, но на это ушло куда больше времени. На память, кроме монет этого периода у них больше ничего не осталось, а вот впечатления. Меншиков даже начал сожалеть, что с кузнецом ему больше не удастся встретиться.

Осень 201.. года. Череповец.

Зеленая «Газель», проехав мимо памятника основателям города Феодосию и Афанасию, сделала круг вокруг Соборной горки, выехала на Советский проспект.

– Ну, а теперь куда? – спросил Сашков, разглядывая карту.

– В Санкт-Петербург, конечно. Кстати когда ты овладел умением фехтовать?

– В юности я ходил в фехтовальный клуб.

– Не знал, – признался Федор. Задумался и, улыбнувшись, произнес: – Значит, в восемнадцатом веке мы с тобой не пропадем.

Сейчас решили проехать по проспекту до конца, мимо тюрьмы, отчего пока добрались Кирилловского шоссе, слегка поплутали. Зато когда добрались до моста над железнодорожными путями, Федька облегченно вздохнул и прибавил газа.

Они выехали на трассу Вологда – Санкт-Петербург и Сашков позволил себе задремать. Меншиков взглянул на него и улыбнулся. Позади них оставалось прокопченное небо Череповца.

VI

Осень 201.. года. Санкт-Петербург.

Весь вечер и ночь моросил дождь. Утром он закончился, но погода навеивала меланхолию и вгоняла в депрессию. Если бы под рукой был пистолет, Сашков точно бы застрелился, тем паче здесь в номере «Англитера», где когда-то покончил с жизнью народный поэт Сергей Есенин. Но ничего такого сейчас у него не было. Пистолеты Меншикова были оставлены в газели, а сам приятель куда-то свалил, ни сказав, ни слова. Александр сначала смотрел местное телевидение, но потом просто не выдержал. Подошел к окну и вот уже около час, облокотившись на подоконник, и разглядывал город. Санкт-Петербург, даже не смотря, что небеса были окутаны непроницаемыми серыми облаками, жил своей привычной жизнью.

Внизу у памятника Николаю I празднично гуляли туристы. Фотографировались, слушали экскурсовода и о чем-то спорили. В основном это были иностранцы. Это нетрудно было понять по поведению. Русские обычно так себя не ведут. Несколько, наиболее отчаянных бизнесменов пытались продать им свой товар, основную часть, которого составляли в основном матрешки, с портретами бывших советских руководителей, да буденовки. При желании у них можно было обнаружить сувенирные тарелочки с символами города, оловянную миниатюру, головные уборы бескозырки да комплекты батареек к фотоаппаратам. Пока Сашков стоял у окна и любовался всей этой осенней суетой, народ, прохладную погоду, старался насладиться красотами города, и к памятнику то и дело подъезжали экскурсии.

По скверу, находящимся между памятником Николаю I и Исаакиевским собором, держа в руках сложенные зонты, куда-то спешили петербуржцы.

Возле самого собора десятки желающих, создав очередь, пытались попасть на экскурсию в храм. Те, кому уже повезло, не спеша поднимались на колоннаду по узкому металлическому настилу. В воздухе кружили чайки. Неожиданно для себя Сашков вспомнил маленькую красную книжку Фоменко и Насовского. Те утверждали, что на самом деле государя московского звали не Петр, а Исаак. В это Александр, как-то не верил, и даже решил, спросить об этом Меншикова, ведь тот один раз все же побывал при дворе Императора.

Федька ввалился в номер гостиницы с криками:

– Санек! У меня все готово. Мне удалось найти в городе такое место, где мы смогли бы совершить переход.

– А разве есть? – удивился Александр.

– Есть. Но это не главное, мне удалось раздобыть немного денег.

Он подошел к столу и высыпал из кармана брюк горсть пятикопеечных монет тридцатых – шестидесятых годов восемнадцатого века, а так же серебряный Елизаветинский рубль. Сашков привлеченный его действиями перестал смотреть в окно и подошел к столу. Взял в руки монету с четким образом императрицы и стал разглядывать. На аверсе кроме портрета надпись: «Б.М.ЕЛИСАВЕТЪ. I.I. МП: САМОД: ВСЕРОС». Внизу буквы «СПБ». На реверсе двуглавый орел и надпись «РУБЛЬ.1742.МОНЕТА»

– Откуда? – спросил Сашков, ложе ее обратно на стол: – Она же около четырех тысяч долларов стоит.

– Поменял.

– На что?

– Помнишь, среди монет отданных мне монахом, был серебряный рубль Екатерины Великой.

– Ну, помню, конечно. Так ведь мы же его с тобой могли бы использовать.

– Не могли. Он выпуска тысяча семьсот семьдесят седьмого года, а мы с тобой отправляемся в более ранние годы. Как раз в тот период, когда одна государыня уже умерла, а вторая так и не вступила на трон. В тот период этот рубль было нельзя использовать. Подумал сначала его продать, как-никак тысячу баксов стоит, а потом вижу, такую монету в интернете ищут в обмен на елизаветинский. Ну, пришлось доплатить. И вот уже у нас кое-что есть. За тем по городу прошвырнулся и у антикваров мелочи накупил. Блин дорого нам твое турне обойдется, – вздохнул он, подошел к спортивной сумке, что стояла в углу у дверей. Открыл ее и извлек из ее глубин кошелек, точную копию тех, что носили в семнадцатом-восемнадцатом веке. Вернулся к столу и стал ссыпать туда, пересчитывая, монеты.

– Итого шесть рублей с мелочью, – проговорил он, завязывая кошелек. – Мне кажется, что теперь мы готовы и можем отправляться.

– Слышь, Федор, – проговорил Александр, – это может, мы это того. Ну, для начала, перекусим, а?

– Пообедать в «Англетер»? А что идея не плохая – давай!

– Я тут давеча телик со скуки смотрел, там фильм про Есенина показывали...

– Знаешь, после того, как мы с Мишкой Путятиным изобрели «Машину времени», – перебил его Федор, – я фильмы, особенно на исторические темы не смотрю. Во-первых, до семнадцатого века почти вся история искажена, во-вторых, сценаристы такого навывают, что историю еще больше исказят, а в-третьих, мы сами лично можем узнать, что и как было на самом деле. Усек.

Тарабарщина полная, но Сашков кивнул, что усек. В чем-то Меншиков был прав. Гибель русского поэта, в двадцатом веке, была из тех загадочных, что прокатились в то время. Маяковский, Горький и Есенин? Как и почему? Одни загадки. И объяснить их ни кто не может, а уж тем более кинематографисты. Вполне возможно в году так шесть тысяч десятом найдутся такие, что начнут утверждать, будто снятое художественное кино не что иное, как обыкновенные кинохроники. Этакие реалии шоу наподобие «Дома-2» и «Большого брата».

Сейчас же Сашкову вдруг вспомнились слова ни то литературного героя, ни то киногероя – Шерлока Холмса, что он слышал в одном из фильмов:

– Без доказательно, дорогой профессор, бездоказательно.

Меншиков взглянул на приятеля, улыбнулся и произнес:

– Ну, пошли, пообедаем.

После обеда, за которым Федор просидел задумчивый, он опять исчез. Сказав перед этим:

– Жди.

Сашков сидел в гостинице, и ждать не захотел. Скучно. То ли дело по улицам походить, воздухом, так и пропитанным историей подышать. Ну, и что, что дождь начался. В черном плаще с зонтом в руке, который он так и не решился открыть, он уже более часа как гулял по скверу.

Со стороны Невского проспекта показался свадебный кортеж. Сашков не удержался и достал фотоаппарат и снимок. Из белого лимузина, притормозившего около поставленных наспех лавочек торговцев, выбрались жених и невеста. Молодые подбежали к маленькой чугунной ограде, окружавшей монумент, и стали фотографироваться, а зеленой «Газели» по-прежнему не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.